

☉ Лондонская премия представляет писателя ☉

Виктория Левина

ИНТЕРМЕЦЦО

Москва
Интернациональный Союз писателей
2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
ЛЗ6

ЛЗ6 Левина Виктория
«Интермеццо». – М. : Интернациональный Союз писате-
лей, 2019. – 150 с. (Серия «Лондонская премия»)

Зачем, для чего, для кого пишется фэнтези? Ответить на этот вопрос невероятно сложно! Может, автору тесно писать и творить в рамках предсказуемой реальности или сама реальность подчас превосходит фантастику? Эта книга ведёт нас в мир успеха и сокрушительного провала, где рядом с дальними путешествиями и разборками с мафией автор вводит нас в мир размышлений о сути развития живой природы или заставляет задуматься о перспективах введения закона о личном оружии. В книге много личного, пережитого и прожитого. Роман «Удрать от Тёрнера», к примеру, вообще написан на автобиографическом материале. И лишь одна-две фантазийные гипотезы делают его романом-фэнтези. Идея, объединяющая все рассказы (произведения), представленные в этом сборнике, включая роман: за всё в мире приходится платить. И никому неизвестно, что его ждёт за следующим поворотом...

ISBN 978-5-00153-147-0

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Виктория Левина, 2019
© Интернациональный Союз писателей, 2019

Виктория Левина родилась в Читинской области. Окончила МГТУ им. Баумана. Автор четырёх романов и девяти поэтических сборников. Публиковалась в журналах Израиля, России, Германии, Болгарии и др. Кавалер ордена «Кирилл и Мефодий», медали им. Ивана Вазова (Болгария) и других международных наград. Лауреат нескольких международных конкурсов и фестивалей. С 1997 года живёт в Израиле, работала инженером в авиапромышленности.

Интермеццо

Всё очень просто. Любые имя, дату или номер телефона можно пропеть по нотам, то есть положить на музыку. Получится мелодия, где каждой букве или цифре будет соответствовать определённая нота. Получится музыка, которую не спутаешь ни с какой другой. Таким штучкам обучил её папа.

А папа научился им в одном засекреченном вузе, который обучал шпионской деятельности. Там были и другие полезные фокусы: скорочтение, фотопамять, ассоциативное мышление. Но папе больше всего нравилось пользоваться музыкальными шпаргалками.

Пропев про себя имя человека или дату его рождения, он уже никогда не забывал эту информацию, не пользовался записными книжками и не записывал туда номера телефонов.

Она обожала папку! Для этого способа запоминания, безусловно, требовались музыкальность и знание нотной грамоты. Но этим бог не обидел ни её, ни папку.

А сегодня ночью ей приснилась музыкальная фраза, которая долгие годы хранилась под запретом. Приснилась потому, что во сне нами не руководят ни наши желания, ни соображения безопасности. Мы теряем контроль над собой во сне, и вот тут-то и может случиться, что музыка возникнет в подсознании и начнёт звучать помимо воли. И откроет всё, что было скрыто неизвестностью, неведомые страницы имени и судьбы. Так всё и произошло. Даже во сне, когда тело расслаблено, она почувствовала спазмы в гортани и характерный металлический привкус во рту, который появлялся всегда перед обмороком.

– Нельзя! – она скомандовала себе и из последних сил попыталась стряхнуть с себя музыкальные коды.

Сон улетучился, но мелодия осталась. Как красная ниточка, свёрнутая в клубок, она мелькала перед полузакрытыми глазами и ждала, чтобы за неё потянули...

Утренний кофе как нельзя лучше прочищает мозги от всяких полуночных видений.

– Не буду! – твёрдо решила она, думая о мелодии, красном клубочке памяти, который звал, тормошил, просил потянуть за кончик.

С ощущением той любви она жила всю жизнь. Любовь никуда не девалась и не уходила. Любовь просто жила в ней в настоящем времени. Не в прошедшем и, боже сохрани, не в будущем! А здесь и сейчас. И звучала в её душе, как звучит музыка: между небом и землёй, между воспоминанием и реальностью, между «там» и «здесь».

Теперь было ясно, что та музыкальная фраза, которая задела в голове с ночи, имела явное продолжение.

– Ну потяни же меня за кончик ниточки, ну позволь мне размотать клубок! – Мелодия уже была требовательной и не принимала отказа. И на этот раз она согласилась, и музыка зазвучала.

Сначала появился типичный тбилисский дворик с нависшими над ним балконами, с чириканьем ребятни и гортанной переключкой соседок, развешивающих бельё.

Он был шустрым пацанёнком с огромными «библейскими» глазами в обрамлении пушистых ресниц. Ох и много же беды принесут эти глаза особам женского пола в обозримом будущем!

Родители в силу своей состоятельности и обеспеченности не очень вникали в его мальчишеские интересы и в школе, и во дворе. Лишь бы не доставлял хлопот. И звучали в мелодии невнятными басовыми, невыразительными нотками.

– Такой музыкальный тон очень подходит для интермеццо, – подумалось лениво. – Ни к чему не обязывает и создаёт впечатление семьи, крепко стоящей на ногах.

Внутри музыкальных кодов проскользнули лёгкой тенью и первый его поцелуй, и первый бокал «саперави», и первая близость: быстрая, бурная, неумелая.

Здесь музыка зазвучала особенно выразительно, предвещающая будущую славу Казановы московских богемных вечеринок.

Но это случится позже, а сейчас на музыкальном полотне – огромные чёрные глаза харизматичного и уверенного в себе паренька, отправляющегося завоёвывать Москву. Артистические способности, хорошо подвешенный язык, масса обаяния немало способствовали этому.

Она сидит, слушая звуки и полуприкрыв глаза.

– Хватит, не хочу! – пытается сопротивляться вызванной из преисподней мелодии. – Больно, хватит!

Интермеццо набирает силу и звучит нестерпимо громко, как в тот новогодний вечер, когда она впервые увидела его глаза и утонула в них. Ряд подстроенных судьбой совпадений и несурязиц, избежать которые было не дано, по-видимому. Такое подсолнечное масло, пролитое на рельсы трамвая, то ли Аннушки, то ли барселонского Гауди...

От судьбы не уйти. Интермеццо уже звучит как симфония Бетховена, стучится в дверь, предвещает.

В дверь комнаты студенческого общежития стучали. И это не предвещало ничего хорошего. Московский Казанова вышел наружу, объясняться с каким-то членом студсовета, что-то плёл о любви с первого взгляда, получил ключи от комнаты до утра.

Далее музыка уже напоминает венские вальсы Штрауса: светла, легка, воздушна, полна любви и веры, что любовь вечна. Очень глупой веры, ни на чём не основанной.

Музыкальные коды зазвучали тревожно, в них появились намёки на Мендельсона, то ли свадебные, то ли похоронные.

В ту весну в украинских садах абрикосы и яблони цвели отчаянно и таким буйным цветом, что и не припомнить! Они оба: она и Казанова – стояли на коленях перед её родителями, прося благословения. Конечно, глупо. И иконка с

трудом нашлась, и родителей разрывали сомнения, глядя на красивое лицо жениха их хромоножки.

– Красивый муж – чужой муж, – обронила мама.

Ах какая кода здесь прозвучала в интермеццо! Знатная кода!

А папа, растерянный, без ума любивший доченьку, всё смотрел в глаза жениху, всё твердил:

– Не обижай её! Я джигит, и ты джигит... – и сморкался в платок.

Было в этом интермеццо и место, где наступила абсолютная тишина. Все звуки умолкли. Только ритм отбивался частыми ударами сердца. Это когда она увидела любимого с другой. Он вскочил, козлоногий, голый, мерзкий. Фавн дрожащий. А случайная его нимфа тянула на себя одеяло и что-то лепетала невнятно.

Тогда-то и появился этот металлический привкус во рту. И отключилось сознание. А музыка потекла бестелесно, легко, уже не касаясь земли. Музыка небесных сфер. Музыка нежелания жить.

Как она возвратилась тогда к повседневной жизни, было непонятно. Через какое-то время смогла ходить, говорить ещё долго не получалось. Спазм сковал гортань и душу.

А мелодия всё больше походила на Девятую симфонию Малера. Не жизнь и не смерть. Так, что-то посередине. Интермеццо.

Вьётся, вьётся красная ниточка из клубочка, играет музыка её памяти, поёт его имя и историю их любви.

Вот ария для двух баритонов.

– Уезжай! – баритон её отца звучит взволнованно и умоляюще. – Уезжай, зачем ты приехал? Она замужем, у неё двое детей. Оставь мою доченьку в покое! Ты джигит, и я джигит...

Баритон Казановы звучит как из погреба, глухо, настойчиво:

– Нам надо поговорить. Ты – моя женщина, я – твой мужчина.

И тут моё сопрано ставит все точки над «и»:

– Прости. Уезжай. Не смогу. У меня дети.

Он уходил как в кино: в метель, по обледеневшей дороге. Длинные полы пальто развевались на ветру. меховая шапка была надвинута глубоко, по самые глаза. Библейские глаза. Соло гобоя Фрэнсиса Пуленка.

Разматывается клубок воспоминаний. Недолго ещё звучать музыкальным кодам.

Вся картина понемногу уже выстроилась в голове. Москва – как один огромный рынок. Все пытаются выживать как могут. Идёт торговля алкоголем, временем, жизнями. Всё обесценилось. Правят такой Москвой бандиты.

Вчера приходили к другу, наставляли пистолет к виску. Жена друга очень испугалась. А младшей дочке друга приход бандитов долго ещё будет сниться в кошмарных снах. Друга и его семью не убили. Дали срок вернуть займы. Скоро придут к нему.

Всё это она видит так ясно, как будто бы смотрит кино. Всё, что было скрыто временем, теперь открывает ей музыка.

Красная нить разворачивается стремительно. То ли Дворжак, то ли Барток. Любопытно и страшно: что же будет дальше? А ничего больше не будет: ни весны, ни любви, ни жизни. Всё. Закончилась красная нить, размотала все тайны.

Фигура уставшей пожилой женщины на балконе застыла неподвижно, исчерпав до конца клубок воспоминаний.

Интермеццо ещё звучит, всхлипывая то там, то здесь – то плачем по её любви, то радостью избавления от этих бесконечных музыкальных кодов-наваждений.

Сейчас самое время позвонить подруге – той, которую когда-то пытали, в «бандитские» девяностые:

– А в каком году его не стало? Нет, погоди, не говори, это уже неважно. Главное я уже знаю.

В Забайкалье, Укурей

– Что это за название такое – Укурей? – смеётся мама.

Мама ещё молодая, кокетливая, симпатичная, голубоглазая.

И папа смотрит на неё восторженными, влюблёнными глазами и вторит, смеясь в ответ:

– Вот-вот, и я то же самое говорю: у всех людей как у людей, а у нас – У-ку-рей!

Мы все втроём сидим на нашем любимом диване, покрытом красным бархатом, в огромном зале нашего большого гостеприимного дома на Украине, и рассматриваем старые фотографии папиного и маминого места службы после войны: далёкого забайкальского военно-стратегического аэродрома.

Родители мои дорогие ещё полны сил, относительно молоды, здоровы и... живы. Я рядом с ними – счастлива их присутствием, любима и погружена в воспоминания об их деревянном домике в Забайкалье. Говорили, что в этом домике в Забайкалье отбывал ссылку русский писатель Чернышевский.

Папу как начальника аэродрома поселили там вместе с семьёй: мамой и моим сводным братом, на четырнадцать лет меня старше. Там я и родилась.

Брат мой был так счастлив в Забайкалье, как только может быть счастлив четырнадцатилетний подросток, сросшийся с велосипедом на забайкальских сопках либо с лыжами и коньками на вольных просторах военного округа, где в ра-

диусе трёхсот километров он был единственным ребёнком в составе гарнизона.

– Знаешь, какая там красотища? – брат смотрит куда-то вглубь своих воспоминаний. – Сопки и Байкал, куда я летал на папкином самолёте, – лучшее, что довелось мне увидеть!

Родители, перебивая друг друга, взахлёб рассказывают мне снова и снова историю о том, что, когда я была нескольких месяцев от роду, условия выжить маленькому ребёнку в таких экстремальных погодных условиях (летом – до плюс пятидесяти, зимой – до минус пятидесяти) были минимальными.

– Твоя люлька была возле печки, а в метре от печки стояла бочка с водой, покрытая корочкой льда... – рассказывала мама.

– И тогда я подал рапорт на дембель, – продолжает папа, благо это совпало с хрущёвским сокращением в высшем офицерском составе. Иначе никуда бы непустили! И был бы я вечным лётчиком в нашей тьмутаракани, а мамочка – вечным завхозом аэродромного хозяйства, а ты училась бы с бурятами и китайцами в местном интернате и прилетала бы домой на выходные на моём самолёте, – смеясь, констатирует папка.

Фраза эта западает мне в память и всплывает много-много лет спустя, сегодня, и начинает своё брожение в мозгу, и печатает этот текст на виртуальной клавиатуре моего иврито-английского компьютера.

Фраза эта побуждает меня, отбросив все другие дела, построить виртуальную жизнь, которая могла бы...

1972 год. Помещение паспортного стола одного из московских городских отделений милиции. На полу разложена огромная карта Советского Союза. Мы – это я, начальник паспортного стола и молоденький лейтенант-милиционер – уже полчаса ползаем по карте, её забайкальской части, в поисках места моего рождения. Паспорт свой я умудрилась потерять на втором курсе Бауманки, а в отделении милиции всё никак не могли определиться с местом, где меня угораздило родиться.

– Как ты говоришь: Укурей? (Хохот.)

– У всех людей как у людей, а у тебя У-ку-рей?

Хохочем уже вместе.

– Какое-нибудь название ещё помнишь? Станция Каганович? Гм, ну это ты, того, оставь... не стоит и искать... А, посёлок Чернышевский? Есть! Вот он, миленький! Только это уже город Чернышевск! Ну, тогда, стало быть, так и запишем: Забайкальский край, город Чернышевск. Всё, готово! Получай новый паспорт!

Я стою перед начальником паспортного стола... босиком. Я – московская хиппи. На мне длинная потрёпанная шинель писателя Сухова-Кобылина, которую я приобрела на распродаже его личных вещей на блошином рынке. Через плечо перекинута его же серая потрёпанная кожаная сумка. Медные пуговицы шинели отчаянно начищены. Но ноги босы: люблю «повыпендриваться» и походить по Москве босиком, вплоть до октября.

Несколько раз меня задерживали на улицах, препровождали в милицейский участок для выяснения личности.

Потом проясняли мою благонадёжность: комсомолка, отличница, ну, панкует немножко... Хотя висевшая через плечо гитара, в струнах которой постоянно путались длинные вьющиеся пряди, недвусмысленно говорила о том же.

Итак, построю-ка я здесь свою виртуальную жизнь. Место рождения – посёлок Укурей. У родителей есть два варианта развития событий, на выбор.

Первый – остаться после демобилизации на аэродроме вольнонаёмными и не тащиться с малым дитятей через всю страну две недели на поезде: дико орущей дочкой с хорошими голосовыми данными. («Господи, какие же крепкие нервы у этих родителей! Сколько можно орать? Режут их ребёнка там, что ли?»)

Тащиться, чтобы строить всё заново, неуютно обустроившись в Москве, Ленинграде, чтобы потом податься на Украину, где в то время разгулялась эпидемия полиомиелита...

Второй – остаться на насиженном месте, растить сына и дочь, хорошо зарабатывая, и в окружении фронтовых друзей.

Положим, родители выбрали бы второй вариант развития событий.

...У нас в посёлке все друг друга знают. Все живут кучно и весело. Праздники справляются за огромным столом – всё в складчину. Соседи-буряты, друзья по службе. Шанежки, пельмени, дичь, рыба. Икра красная и чёрная – ложками. Мама говорила, что икрой проклеивали окна на зиму, чтобы не дуло, потому как икры много, а клея мало.

Школа-интернат у меня очень хороша! (Читала в Интернете, что школы и учителя в этом краю прекрасные, отлично субсидированные! Святое отношение к учительскому труду, хорошие знания учеников позволяют им пробиваться в столичные вузы.)

И в мороз, и в жару я активно занимаюсь спортом: лыжи, санки, коньки, велосипед, плавание. Никакого полиомиелита у меня нет, я хожу прямо и гордо на своих двоих лёгких и стройных ногах – летящей походкой! В силу характера и амбиций учусь в школе на отлично, стремлюсь попасть на учёбу в Москву.

Есть вариант выехать на учёбу в Читу. Но выбираю Москву, потому что выигрываю все местные олимпиады по физике и математике.

Объявляю во всеуслышание на весь лётный городок:

– Я буду поступать в Бауманское училище!

Всё, пути к отступлению отрезаны!

Да и по концертам в консерватории походить охота, музеи увидеть! Люблю музыку самозабвенно, слушаю музыку на пластинках, бренчу потихоньку на стареньком пианино в интернате, пытаюсь заниматься самостоятельно по самоучителю. Собираю марки по искусству, с замиранием сердца рассматриваю шедевры мировых музейных собраний живописи и галерей! Читаю много и взахлёб – готовлю себя к превратностям судьбы.

Перед самым отъездом в Москву для поступления в мечтаемое Высшее техническое училище (училище-мечту)

имени Баумана, сразу же после получения золотой медали в школе-интернате, мы с папкой решили съездить на Байкал – познакомиться с огромным чудесным морем-озером. Мы стояли на крутом берегу и наглядеться не могли на красоту байкальской дали! Тогда же я и дала себе обещание, что бы ни произошло в дальнейшем, – вернуться сюда опять:

– А ты пообещай себе, что вернёшься сюда однажды! – говорит папка. – Вернёшься, чтобы повидать Байкал. Я же знаю, что ты умеешь хранить обещание.

И вот я долго-долго еду в Москву в купейном вагоне. Я знаю, что очень не скоро выберусь повидать родителей. Мне очень грустно. До слёз. Но впереди – такая далёкая, такая любимая Москва! Впереди – новая жизнь.

– Пап, мам! Я на каникулах еду с концертами по Белоруссии и Прибалтике! Домой не получится в этом году... Да как всегда – с агитбригадой. Как там вы? Как брат? Были в Чите? А, только собираетесь? Ну, привет там от меня всем!

После получения диплома мне предлагают остаться в Москве, в аспирантуре. (В реальной жизни я оставила Москву...) Учитывая психофизические особенности меня как индивидуума, немудрено предположить, что я с радостью соглашаюсь.

– Что-что, папочка? Я тебя не слышу! Как умерла? Когда? Па-а-апа! Ма-а-амочка!

Маму похоронили без меня, в далёком Забайкалье. (И я не стояла на холодном ветру над могилой, куда опускали мамочкин гроб, и не бросала мокрую украинскую землю в глубокую яму мамочкиной могилы...)

Случилась у меня и большая любовь, и, как бывает у большинства людей, несчастная.

И, как повествуют нам многочисленные телевизионные сериалы, я вдруг поняла, что беременна, и решила рожать ребёнка, полагаясь только на свои силы. (Заметьте: не бросилась с головой в другие отношения, чтобы «забыть», не вышла замуж скоропостижно, чтобы «назло», как в реальной жизни, а мужественно пошла своей дорогой навстречу такой далёкой, но «своей», вымоленной любви...)

– Мамочка! Ребёнок у тебя родился с особенностями. Сейчас его оперируют: огромная гематома в мозгу. Понимаешь, деточка, могут быть последствия... – мой гинеколог, пожилой добрейший дядька, принимавший тяжёлые роды, ласково говорит со мной, поглаживая руку.

Это – приговор.

Пока мой сын-аутист рос и развивался своим особенным, одному Господу ведомым путём, я дала себе обещание-обет: если не смогу развить его способности до такого уровня, чтобы мой ребёнок смог пойти в обычную школу, то грош мне цена – тогда и жить не стоит...

Работая в научно-исследовательских институтах, я вышла на уровень «свободного художника» (это когда работаешь над статьями в толстые научные журналы: написал статью, оформил патент – свободен на определённый период времени). В свободное от статей время я изучала систему развития детей по школе Марии Монтессори.

– Мамочка, вы можете научить вашего ребёнка ходить и говорить, но уж петь, читать, писать – никогда!

Мой ребёнок смог пойти не только в обычную школу, но и в английскую гимназию с конкурсным отбором, и в музыкальную школу, и в художественную студию... Нарботанные навыки я стала применять на других детях, брать учеников, писать книги по педагогике. Экономика страны трещала по швам, начинались девяностые годы...

НИИ оставлен навсегда, я – на вольных хлебах.

– Куда тебя несёт? Какие вольные хлеба: одна, с ребёнком, в Москве... Пропадёшь!

Пропадала я «под фанфары»: запись в школу-студию по дошкольному воспитанию по системе Монтессори проводилась под милицейским контролем: люди ломались в помещение клуба, где проходила запись, тысячами. («Иди, спасай жену! – кричал друг моему мужу на Украине в тот день, когда шла запись в мою школу-студию. – Раздавят! Там толпа напирает – несколько тысяч ломятся на запись!»)

Обещание не выходить замуж, данное себе когда-то давно, после смерча несчастной любви, пронёсшегося надо мной в молодости, давало свои плоды: я была свободна, деятельна, успешна. Бизнес процветал, хорошие деньги зарабатывались репетиторством. Дом, машина, положение в обществе. Папа умер, оставив мне небольшое наследство (В реальной жизни родители мои золотые были хлебосолами-бессребрениками, иногда не имевшими ни гроша за душой...)

– Послушай, английский у меня неплохой, у сына – тоже. А если мне попробовать в Америку? Ну, будет трудно поначалу: посудомойкой там, попы подтирать... Но я же всё-таки – научный сотрудник! Прорвусь! Как

это всё делается? – Я сижу в кабинете моей подруги, связанной по роду своей деятельности с загранпаспортами и визами.

– Я слышала, это стоит больших денег...

– Давай документы! Будут тебе визы. Сделаю для тебя, чего бы мне это ни стоило!

А стоило это моей подруге свидания с одним мерзопакостным чиновником паспортного стола, который давно добивался её и только и ждал удобного случая... (Всё правда, так и было в реальности – изменены только города и страны.)

В Америке поначалу было беспросветно трудно: посудомойка, курсы английского, первые работы по специальности, плохие квартиры – и вот наконец успех и чудо! Я принята в лабораторию НАСА!

Лаборатория располагается в Коста-Рике, почти что в джунглях. Живу я в аккуратненьком бунгало на берегу Тихого океана. Работа моя – в часе езды по хорошей дороге в северной части страны. Во дворе – конюшня для нескольких чудесных коста-риканских лошадок...

Я на связи с братом по скайпу. Скайп барахлит: провайдер Интернета в Чите – не бог весть что.

– Да, я прилетаю! Рейс из Амстердама. Номер рейса и время прибытия – электронкой! Я прилетаю одна. У сына свои дела, да и Байкал ни о чём ему не говорит... А мне нужно! Я же обещала: и Байкалу, и папе...

...Закрываю скайп и виртуальную русскую клавиатуру. Договорилась с братом вылететь на Байкал из Амстердама. Он прилетит в Амстердам с Украины, я – из Израиля. И он, и я чувствуем, что нам необходимо побывать на Байкале и в Забайкалье – У-ку-рее!

У КОГО ПОКРУЧЕ СТОЛ

НЕНАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

Дед любит рассказывать мне о своей молодости. А что ещё делать длинными тёмными вечерами при свете самодельной свечи? Когда спальный район нашего пригорода погружается в темень, а сторожевые башни обнесённого колючей проволокой промышленного центра освещаются единственной в городе автономной электростанцией, самое время предаться воспоминаниям о весёлом прошлом деда.

Я не всегда понимаю, о чём он говорит.

– Дед, расскажи мне ещё раз, что такое Всемирная сеть. Это что, такая сеть, которая висит в нашем сарае, но по которой течёт ток, как на башнях охранников? И почему она всемирная – она покрывает все посёлки и деревни?

Дед задумчиво смотрит на меня и тихо говорит:

– Мне сложно объяснить тебе это, внучок. Твоё поколение не знает, что такое электричество в доме, не то что Всемирная сеть.

Он тяжело вздыхает и бредёт на улицу, осматривать, целы ли амбарные замки на сарае, где хранится «наше всё».

«Наше всё» – это аккуратно расставленные и тщательно смазанные оружейной смазкой стволы, висящие на стене нашего сарая, и стенд с пистолетами и револьверами. Мы считаемся зажиточной семьёй, у нас много оружия.

Ради этих самых стволов родители мои вкалывают день и ночь за колючей проволокой.

Дед говорил, что, когда в домах было электричество, жизнь была совсем другой. В домах посёлка горел свет, работали какие-то умные машины: стирали, собирали пыль, готовили.

Мне трудно поверить, что правительство могло разрешить такую бездумную трату энергии. И откуда же тогда

брать эту самую энергию, если вся она должна идти на вооружение?

– Когда я был молодым, – дед вернулся с обхода, – наша страна вооружалась против других стран, чтобы быть готовой к любой военной провокации. Было много оружия: наземного, подземного, надводного и подводного. Большая часть финансов государства уходила на это.

Я не совсем понимал, что такое государственные финансы и финансы вообще.

– А что такое финансы?

– Ну как тебе объяснить? Финансы – это денежные запасы, которыми можно покрывать затраты производства, платить зарплаты. Ах, боже ж ты мой, ты же не знаешь, что такое зарплаты! – Дед плюнул с досадой на грязный пол нашего жилища.

Дед был неправ: про финансы, деньги и зарплаты я читал в одной из немногих книг, сохранившихся на нашем чердаке со времён молодости деда. По этим книгам я и учился читать. Немногие в наше время умеют читать.

Зато считать стволы умеют все.

– У нас триста двадцать стволов! – гордо кричит пацан с нашей улицы, когда ребяшня выбегает на улицу в летний день.

– Ствол стволу рознь, – солидно заявляет крепыш, сын мастера оружейного завода. – У нас дома есть пушка с ручным управлением: отцу выдали за многолетнюю безупречную службу.

Все смущённо замолкают. Пушки у нас нет. Мои родители вкальвают день и ночь, но в конце месяца приносят в дом только по одной единице огнестрельного оружия и немного съестного, что им выдают за колючей проволокой: крупу, макароны, сгущёнку. Это всё из бессрочных военных запасов, которые были «расконсервированы» пару лет назад.

Ещё у нас есть небольшой огород, где мы с дедом выращиваем картошку и лук. Вот эти съестные запасы да оружейный сарай – это и есть «наше всё». А как же иначе? Все так живут.

– Когда страна вооружилась до зубов, – продолжает свой рассказ дед, – она стала вооружать другие дружественные ей страны.

– Как это – дружественные? – Я рад, что поймал деда на несуразице. – Ты же сам говорил: нет никаких дружественных стран! Все воюют со всеми. Это закон жизни.

– Ох и умный же ты у меня! – Дед ласково гладит меня по голове грязной, заскорузлой рукой с обломанными ногтями. – Ну да, ну да, просто мы стали продавать своё оружие по всему миру. Мир стал похож на пороховой склад: чиркни спичку – и он взорвётся! Армии многих стран были вооружены до зубов нашим оружием и своим – тоже. В подземных бункерах хранилось его несметное множество! Это называлось тогда «гонкой вооружений».

– Это ты мне уже рассказывал. – Я с досадой дёрнул плечом. – Ты каждый раз приходишь только до «гонки вооружений». А про свою жизнь в доме с электричеством и бежавшей из кранов горячей водой никогда не рассказываешь.

– Это потому, что ты не поймёшь. – Он вздыхает и ложится на топчан лицом к стене.

Я иду на крыльцо, посчитать звёзды и помечтать о том времени, когда электричеством освещались дома и улицы, как говорил дед.

Утро следующего дня выдалось весёлым и солнечным. Я вышел на улицу поиграть с соседскими ребятами в мяч. Невесёлые, покосившиеся домишки скрывались за пышной зеленью полудиких садов.

– Дашь поиграть? – Из-за забора на меня смотрели с опаской глаза соседа-сверстника.

Родители и дед говорили мне часто, что лучше мне сидеть дома. А то мало ли что...

Однажды мой мяч, кое-как собранный моим дедом из тряпок и обрезков кожи, тяжёлый, неповоротливый, грязный, серьёзно повредил губу этого самого соседского мальчишки. Из губы хлынула кровь. А в конце недели родители пацана, вернувшись на выходные домой, открыли стрельбу по нашему дому. Они не жалели патронов и палили куда ни попадя, выкрикивая:

– Попридержи своего ублюдка, ты, «осколок Интернета»!

Другие соседи утихомирили их, потому что был праздник и никому не хотелось лишней пальбы и ранений. Сегодня тоже был праздник – День личного оружия. Это самый большой праздник в году.

Как говорили лекторы в воскресной школе, жизнь страны круто изменилась с того дня, когда был принят закон о личном оружии. Отныне никто никому не указ. Защищай свои права, живи во благо государства и завода, производи оружие! Рынок сбыта неограничен. Деньги не нужны. Машины и оборудование – только для заводов, все – на оружейные заводы. Выход из тупиковой экономической ситуации найден раз и навсегда! Хороший закон.

У деда моего в посёлке есть прозвище: «осколок Интернета». Прицепилось к нему прочно, навсегда. Никто уже и не помнит, почему, никто уже не знает, что такое Интернет. А дед знает, потому что живёт долго, дольше других.

Ещё он помнит телевизоры и стиральные машины. Ещё он говорит, что у него в молодости были «колёса». Как у директора нашего оружейного завода. Я, конечно, не верю: откуда у него могли быть «колёса», если он не изобретатель нового ствола или улучшенной пули?

Много странного доводится мне слышать в нашем доме. А всё потому, что дед старый, так долго у нас не живут, и у него уже ум за разум заходит.

– А знаешь, есть и другие страны на земле, у которых полезные ископаемые ещё долго не закончатся. И закон у

них такой же есть. И друг в друга там не пуляют при каждом удобном случае.

– Вот придумал! А как же тогда узнать, у кого круче ствол, если не отстреливать случайных прохожих в большой праздник? Вот чудило!

В праздники родители вернулись домой с завода хмурыми и неразговорчивыми. В этот раз им выдали за работу какие-то револьверы, уже бывшие в употреблении, и не раз. Это было видно по перебитым номерам и очень грязным стволам, которыми дед будет заниматься теперь целые дни, пока всё это не приобретёт божий вид.

Ещё они принесли кое-что из съестного: несколько герметичных банок с манной крупой. Видимо, разгерметизировали очередные полувековые военные склады.

Я часто думал, что будет, когда откроются последние склады, чтобы прокормить население. И даже спросил об этом деда:

– А что мы будем есть, когда закончатся запасы страны?

Дед тогда посмотрел на меня долгим взглядом и сказал:

– Советую тебе об этом не думать, а ещё лучше – помалкивать. Знаешь, что делают с теми, кто задаёт такие вопросы? Лучше тебе не знать.

А потом криво ухмыльнулся:

– Это всё подрывает демократию в нашей стране.

Итак, шесть банок манки будут составлять рацион нашей семьи до следующих выходных.

– Другим выдали тушёнку, а мы до сих пор в штрафниках из-за твоей драки с сыном соседа. Соседу-то хорошо: в профсоюзе своих не обижают. – Отец зло глянул в сторону забора, разделяющего наши участки.

Мать тут же всплеснула руками:

– Что ты опять замыслил? И не думай даже! А то не пушу к бочке!

Бочкой называли передвижную цистерну со спиртным, которая кружила по разбитым дорогам посёлка в праздничные дни. Мужчины выходили из домиков и чинно направлялись отметить праздник. Некоторые из женщин – тоже.

Моя мама никогда не выходила к бочке: кому-то же надо было следить, чтобы мужчины нашей семьи не ввязались в какую-нибудь пьяную драку и не полезли в сарай за оружием.

Как правило, пока выпивалось содержимое бочки, в посёлке тут и там слышались пальба и пьяная ругань.

Потом бочка уезжала, и вот тут-то и наступала кульминация праздника: невостребованный адреналин мужского населения побуждал его выскакивать во дворы и устраивать пальбу в небо, в сторону соседских палисадников, бродячих собак и кошек и даже нищих, в огромном числе бродивших по улицам в поисках скудной подачки.

В этот раз всё вроде бы обошлось.

Под вечер мама вышла на крыльцо и уселась рядом с подвыпившим отцом. Дед, приняв свою порцию «праздника» на грудь, мирно посапывал тут же, в саду, в старом гамаке, которому было уже сто лет в обед, но который он исправно чинил и вешал в закутке за выступающей стеной, чтобы вздремнуть здесь в относительной безопасности летним вечером.

Называлось это «вздремнуть на свежем воздухе». Хотя, по-моему, свежим назвать его было трудно. Посёлок весь был окутан жирным смогом от плавильного завода, что расположился неподалёку.

– Вот и я говорю, – шептал отец матери на крыльчке, – нечего нам жаловаться: хорошо живём. Дед наш сарай сторожит, сына учит читать книжки, которые на чердаке остались. Вырастет – в мастера выбьется, не то что я. Я, когда малым был, только-только закон приняли. Что тогда началось! Стрельба, пальба!

Стреляли все во всех, сводили счёты, вымещали на других всё зло, всю досаду, что накопилась от злыдней, вечного недовольства. Не до учёбы тогда было. Школы закрыли в страхе от террористов, которые получили свободу убивать.

– Я тоже, – тихо сказала мама, – попала в такую перестрелку. Кто-то в маске взял в заложники группу школьников и грозился убить всех, если ему не отгрузят все ружья из кабинета военной подготовки. Хитрый какой: хотел обогатиться сразу, одним махом! Мы вот для своих огнестрельных единиц всю жизнь горбатимся! – Она ласково провела по волосам мужа. – Могла погибнуть тогда, да снайпер – один из полицейских – «снял» тогда этого урода с крыши соседнего дома.

– Да, – задумчиво протянул отец, – в те времена ещё была полиция.

Они замолчали надолго. Я слышал о полиции не раз и от своего деда. Дед рассказывал мне, что так называли людей, которые имели оружие, чтобы следить за порядком в обществе и охранять граждан от разбоя. Наивные! Как же можно охранять других, рискуя собой? И, потом, каждый должен иметь оружие, чтобы охранять себя и свою семью. Тупость какая-то, а не полиция! Вообще всё, что касалось периода времени до закона, казалось мне несусветной глупостью!

Тишину позднего вечера разорвал женский крик. В окне дома соседа в тусклом свете свечи в окне можно было различить мечущиеся фигуры и звуки громкой ругани. В том доме не было любви, как у моих родителей.

Сосед по праздникам часто воспитывал и гонял своих домашних за малейшую провинность. Он считал, что все виноваты перед ним. Когда мы шептались с соседским мальчишкой через дырку в заборе, тот рассказывал мне, что отец придиричив и несправедлив к своим домашним. И все-то хотят ему зла, и все-то завидуют его огромному складу оружия, и все хотят испортить его карьеру мастера на заводе.

Особенно он не жаловал нас, своих ближайших соседей. За то, что у нас была дружная семья, а особенно за то, что у нас был свой сторож – дед. Он был просто сокровищем в глазах окружающих! Охранял семейный скарб, мог по возрасту уже не работать, был спокойным, бесконфликтным и относительно непьющим. И правда клад, а не дед!

У других таких пожилых родственников уже давно не осталось в живых: были застрелены шальной пулей или убиты в пьяной драке.

Жена соседа ещё раз взвизгнула, как от сильной боли, и выскочила на улицу в одной рубашке. Мы видели, как она заметалась по двору, белея в темноте рубашкой. Сразу же за криком жены взвизгнул сын. Я не очень любил соседского пацана. Он был запуганным и робким в семье, но наглым и напористым – на улице, с другими детьми.

– Спасите! – закричала женщина. – Он пошёл за своим охотничьим ружьём!

Охотничьи ружья представляли собой большую ценность. Нарядные, с резным прикладом, они считались главной гордостью семьи. Животных в лесах уже давно не осталось, всех отстрелили. Я помню, как убили последнего зайца в нашей лесополосе, рядом с северной оградой завода. Убил тот же сосед из ружья, за которым он и нырнул сейчас в темень своего сарая.

Вскоре он выскочил наружу и принялся носиться за женой по двору. Она металась и прыгала из стороны в сторону, в точности как тот белый заяц, наверное, но ничто не могло помочь ей уйти от пули обезумевшего мужа на этот раз.

Мы услышали выстрел и сразу же, следом за ним, – другой.

Женщина повалилась на землю.

– Мама, мамочка-а-а! – крик соседского мальчишки оборвался сразу же за третьим выстрелом.

– Ну, чего уставились? – раздалось совсем рядом с нами.

Сосед, всклоченный, разъярённый, с ружьём наготове, стоял в калитке нашего палисадника.

– Радуетесь небось, милуетесь?

Мама вскочила, чтобы заслонить собой меня, так как я оказался ближе всех к соседу. Дед давно проснулся и стоял в тени стены с оружием наготове.

В тот момент, когда сосед вскинул ружьё, чтобы выстрелить в отца, который стоял перед ним безоружным, тоненько пропела пуля нашего ружья и впилась соседу в руку. Правую. Долго он не сможет теперь стрелять. Сосед вскрикнул от боли и присел на мощённую мелким гравием дорожку.

А дед тоже опустил на землю от пережитого волнения, заплакал, обхватив голову руками:

– Дураки-и-и! Ой какие же вы дураки-и-и! – приговаривал он и тихо всхлипывал.

Сосед похоронил жену с сыном и теперь был тише воды, ниже травы. Казалось, будто что-то в нём сломалось, какая-то пружина.

Люди в посёлке его сторонились, но не осуждали: чужая семья – потёмки.

Родители мои с опаской поглядывали через дырявый забор на соседский двор, который с каждым днём приходил во всё большее запустение.

Теперь уже не видно было вечерами, как тоненькая лучинка в окне освещает грязную кухню, лишённую женской заботы. Окно закрывали заросли поднявшейся в человеческий рост сорной травы.

А соседу всё это было на руку. Он задумал что-то недоброе. Всю неделю он работал, а когда приходил домой на выходные, всё время что-то мастерил в своём оружейном сарае. Мы слышали визг напильника, чуяли запахи какого-то технического варева.

Дед день ото дня становился всё мрачнее:

– Не к добру это, ох не к добру! – часто вздыхал он. – Бомбу он мастерит, я думаю. Они, мастера, курсы проходят по взрывчатым веществам, строение бомбы изучают.

– Как это – бомбу? – ахнул я.

Про бомбы я слышал и читал в старых газетах на чердаке. Какое-то время назад, может быть, лет сто, взорвали бомбу, которая называлась атомной, где-то далеко, в другой стране, не помню, как называлась.

Тогда ещё не знали, какие последствия будет иметь этот взрыв. А когда увидели, что люди превращаются в пар вблизи эпицентра взрыва или умирают от каких-то странных болезней те, кто оказался подальше, – ужаснулись и запретили такие бомбы пускать в ход.

Их стали называть «оружием массового поражения». Не то чтобы такие бомбы прекратили своё существование. Где-то они есть, говорят, в каких-то глубоких подземных бункерах их хранят. Производство таких игрушек требует огромных энергозатрат, которых на земле уже нет.

Да и не моего ума это дело, как говорит дед. Всё-таки здорово, что я живу в своей стране, где есть закон и нет никаких атомных бомб! Но бомба, которую мастерил сосед, тревожила и меня.

– Взлетим мы с тобой в один прекрасный день с этим идиотом вместе! – ворчал дед, с опаской поглядывая в сторону соседского сарая.

Дни шли за днями, похожие друг на друга: настороженные и тревожные. Сосед перестал выходить из дома, взял на работе отпуск и вот уже две недели возился в своём сарае. Он не брился, нестриженные волосы слипшимися прядями падали ему на лоб. Даже на расстоянии было видно, что он не в себе: бурчит что-то себе под нос, скалится, хохочет.

– Совсем поехал головой после убийства жены и сына, – вздыхал дед. – Ох не миновать беды...

Иногда сосед «выгуливал» своё оружие: выставлял наружу винтовки, ружьё, револьверы всех мастей, заработанные на заводе за долгие годы работы мастером в оружейном цеху. Он любовно поглаживал свои сокровища, протирал их промасленной тряпичей, прищурившись, смотрел на блики от солнечных лучей, что гуляли по гладким стволам. Это была его искренняя любовь, его истинное сокровище.

Мы тоже любили «своё всё», но не так истово. Коллекция нашей семьи давала нам определённый статус.

Отец любил брать в руки кольт времён давней войны, который дед довёл до идеального состояния. Маме нравился элегантный женский револьвер, который бабушка подарила ей на восемнадцатилетие.

Даже у меня уже были свои любимые огнестрельные единицы: детские газовые «пугачи», переделанные дедом в настоящие «огнестрелы». Однажды, когда мы сидели с дедом на крылечке и в очередной раз прислушивались к визгу напильника и принимались к вонючей какой-то гадости, которую варил сосед-экспериментатор, дед посмотрел мне в глаза и сказал тихо, но внятно:

– Знаешь, кого мы сейчас напоминаем?

– Кого?

– Кроликов, которые сами идут в пасть к удаву. Стадом, вместе, не сопротивляясь, покорно.

– А что ты предлагаешь? – с остановившимся дыханием тихо прошептал я.

– Я слышал, что завтра он собирается на завод за консервами, которые ему выделили как отпускнику. Сможешь пролезть в его сарай? Я подпилю доску: я помню, там была одна подгнившая, недалеко от ограды.

– Ну а что я должен сделать внутри?

– Понимаешь, внучок, я слышал вчера, как он бурчал себе под нос, что взрывчатая смесь готова, корпус бомбы он тоже уже заканчивает. Завтра он планирует взять на заво-

де всякие мелкие детали, чтобы наполнить содержимое по типу осколочных взрывных устройств. Сработает самодельный детонатор, воспламенит взрывчатую смесь – и взлетим мы вместе с ним и ещё с несколькими соседскими домами к чёртовой матери!

Мне стало страшно.

– А что же мы можем сделать? – У меня от страха пересохло в горле.

– Я мальчишкой тоже когда-то баловался всякими этими глупостями. Читал много в Интернете.

Знакомое слово «Интернет» вернуло меня в равновесие.

– Так вот, там один шпион в книжке, которую я читал онлайн, сыпанул во взрывчатку готовой бомбы манную крупу. И бомба не взорвалась!

Я не знал, что такое онлайн, я не знал, как читают в Интернете, но манка у нас была. И я готов был рискнуть жизнью, только бы этот чёртов убийца из соседнего дома не взорвал и нас.

– Давай манку! – сказал я. – Положим в ямку у забора, и я завтра сыпану её в дьявольское варево. Он ничего и не почувствует.

Ночью мы с дедом не сомкнули глаз, всё ждали, когда же наконец наступит утро. Утром сосед выполз к умывальнику, приводя себя в порядок: всё-таки отпраивлялся на службу. Побрился перед осколком зеркала, надел кое-что из чистой одежды, которая ещё оставалась. После того как он убил жену и сына, он ничего из одежды не стирал.

Скрипнула калитка. Дед взял ручную пилу и направился к забору. Подпилит сначала доску в заборе. Это было несложно: забор трухлявый, ткну – рассыплется.

Мы с трудом пролезли через образовавшуюся дыру. То есть я пролез без труда, а дед чуть не застрял между досками. Сарай соседа был добротным, новым, по принципу: «мой сарай – моя крепость».

Пилить ту самую доску, которую наметил дед, было сложно. Она оказалась не подгнившей, а, наоборот, со срезами чёрных сучьев, крепкая как железо.

Но отступить было некуда. Дед пилил и пилил, и доска поддалась. Осторожно отодвинув её, я нырнул в глубину сарая. От резкой вони варева меня чуть не стошнило. Варевое стояло на спиртовке, сейчас погашенной, в котелке солдатского образца. Он был прикрыт не подходящей по размеру крышкой.

– Сыпани со стакан, – прошипел дед в образовавшуюся щель. – В книге это сработало.

Я сыпанул манку в этот «змеиный супчик». Накрыл всё крышкой и выполз наружу.

– Ну, с богом! – сказал дед, когда мы вернулись к себе. – Посмотрим, у кого ствол круче на этот раз! – и мы рассмеялись.

Взрыв страшной силы прогремел в посёлке той ночью. Люди выскочили из стареньких домишек в том, в чём спали, и стояли в дверях, на крылечках, в огородах испуганные, онемевшие.

Вместо дома соседа и его склада оружия зияла огромная дымящаяся яма.

В нашем доме, самом близком к эпицентру взрыва, вылетели стёкла и треснула стена. Но на нас не было ни царапины!

– В той книге, – сказал дед, – взрыв мог быть тоже намного сильнее, а так – манка спасла героя!

Мы с дедом стояли, обнявшись, и слёзы радости стекали у нас по закопчённым лицам.

После Билла Гейтса

Он любил думать о временах Билла Гейтса. Как же просто и ясно было тогда! Цифровые технологии были в зародыше. Никто не думал об истинной стоимости добра, не собирал его на чипы накопления, не проклинал админов, не менял домены. Ах какие были времена!

В термосифоне, который достался ему от деда, заваривался травяной чай. Он любил этот старинный способ заварки. И чай, этот особенный чай из тех мест, которые когда-то назывались Болгарией, выращенный под открытым небом и охраняемый не преодолимым ни для одного любителя приключений и ролевых игр магнитным полем, на высоте тысячи метров над нулевым пластом энергии, вызывал в нём ощущение щекотного удовольствия от повышения гормонального фона. Но это чувство ни к чему не обязывало, а просто дарило приятное ощущение тепла и наполненности жизнью.

– Альф, ты уже с нами? – Перед глазами возникло лицо Тава, самого созвучного ему индивидуума.

Тав знал о способности Алефа улетать мыслями далеко вглубь прошлых энергий.

Тав слыл в глазах Альфа, или Алефа – таким был его полный шифр – персоной чересчур открытой и чересчур настроенной тратить себя невесть на что. Но за это он и любил его. Вернее, не раздражался, когда Тав вспоминал о нём и звал пообщаться. А это когда-то и называлось любовью. И вот ещё что: он мысленно разговаривал с ним, когда Тав был недоступен.

– Наскрёб что-нибудь?

– Нет. А ты опять шатался по паркам и искал обиженных старух и голодных кошек?

– Как сложно стало в современном мире наскрести кварки! То ли дело во времена Билла Гейтса! – Он опять был всеми мыслями в прошлом. – Зарабатывай себе на счёт сколько хочешь: корми голодных, убирай мусор, помогай больным. А тем временем твои счета на доменах раздуваются от накоплений. Вот были времена!

А теперь больные на вес золота! Так когда-то называли эквивалент материального благосостояния. Как только у кого-то не срабатывает баланс физического тела, к нему тут же устремляется с десятков доброхотов с медицинскими лазерами всех видов в надежде заработать несколько кварков на свой счёт.

А кошки – так те вообще превратились в особую касту потребителей. Ему однажды пришло в голову отодвинуть ногой одну из представительниц этих организмов – слишком уж она о себе возомнила: вообразила, что он обязан её касаться и обмениваться добром. Так тут такое началось! Он чуть не потерял свои недельные кварки.

– Я тоже помню этот случай! – подхватил его мысли Тав. – Ну и влип же ты тогда! Хуже было только мне, когда я слегка отодвинул одного из японцев, круглосуточно дежуривших в приморском парке в ожидании экскрементов от какой-нибудь дикой случайной чайки.

Эти ненасытные японцы уже захватили всё физическое пространство земного мира в поисках мусора. Так они ско-

лачивают себе приличные состояния. А филиппинцы хорошо поднялись на стариках. Ухаживай себе за своей курочкой, несущей золотые яйца, и в ус не дуй, как заработать несколько микронов хороших энергий!

– Я тоже опоздал родиться! – хохотнул Тав в ответ на мысли Альфа. – Мне бы хоть глазком одним глянуть на войнушку! Какие возможности, какое роскошество для предприимчивого человека! Пополнять здоровье пострадавших, тоннами собирать шлаки, гасить конфликты! За год я бы стал недосыгаем, как когда-то биткойнщики.

– Сходишь со мной сегодня к админу? Прогуляемся. Мысленно общаться с ним я не могу: запаролен, недоступен, зараза!

Он знал, что, ругнувшись, потерял несколько кварков, но отказать себе в удовольствии не смог. За удовольствие надо платить.

– Вау, – обрадовался Тав, – спасибо за предложение! Ты всегда меня выручал. Знаешь, сколько ты мне сейчас отвалил?

– Отстань, знаю, сочтёмся. Я просто хочу уйти на другой домен, а без визита не получается. Каждый раз, как с ним общаюсь, я злюсь. И вся заработанная сумма с меня слетает, как вроде бы я сидел весь месяц, не помогал людям и не пытался резонировать. Ну что, есть у тебя кто-то приличный на примете?

– Мой админ – хороший парень. Я его практически не ощущаю. В прошлом месяце я с его помощью нарастил толщину слоя в накопителе на пару миллиметров. – Давай к нам, на мой домен!

Встретившись у водопада, у городского каньона, друзья ещё какое-то время посидели на лавочке, любуясь видами и заряжаясь добрыми мыслями, и двинулись в контору, где располагался домен Альфа.

Двери накопительного сейфа им открыла хорошенькая операторша. В другое время Альф стал бы глядеть в её глаза долгим обволакивающим взглядом, если бы она не отводила своих, разумеется. Он был тот ещё самец! Но сейчас все мысли неудачливого и легко раздражающегося копителя были о пошатнувшемся положении его счетов. И девушки в поле его зрения не входили.

Его админ сидел в кабинете.

Грузный, неспортивный любитель животных жиров и сладкого. «Конечно, с такой зарплатой можно себе позволить поехать на неделю-другую в оставшиеся наперечёт джунгли и потратить там заработанные на шкуре таких простаков, как я, кварки», – подумал Альф.

Альф почти физически почувствовал, как несколько кварков переключались на счёт админа за то раздражение, которое Альф испытывал к нему.

– Да, мой друг – не ангел, – сказал админу Тав. – Но я вот уже много лет нахожусь рядом и готов поручиться, что он старается. Ищет, копит, думает о положительном. Просто не у всех это хорошо получается. И это не повод так много на нём зарабатывать. Мы хотим поменять домен и админа. Я выступлю его поручителем, если уж мне отведена роль ангела-хранителя для моего друга.

– Плоховато у вас с историей, молодые люди, – устало сказал админ. – Имена Шопенгауэра и Ницше о чём-нибудь

вам говорят? Заплечный ангел может быть только у сверхчеловека, который не погнушался грязных дел для своей сверхвласти. О чём вы тут говорите? Смешно, ей-богу!

Во время этого спича Альф подключился к каналу информатики и посмотрел основные доводы трудов озвученных философов. Он ужаснулся. Получалось, с точки зрения современных форм жизни, что, для того чтобы освободить свою волю и личность, нельзя останавливаться ни перед чем, вплоть до убийства, с целью растратить всё отпущенное тебе добро и оказаться нищим духом до такой степени, чтобы чувствовать себя свободным от накопления кварков! Бред.

И тогда общество энергий не потерпит такой ущербности и пополнит тебя как личность таким заплечным ангелом-хранителем, как Тав.

Альф от души рассмеялся.

– Простыми словами, вы предлагаете мне его убить, а потом стать кредитоспособным за счёт личного делателя добра и выглядеть хорошо перед админами? – Кварки не переводились с его счёта в карман админа. Кварки спотыкались о его смех и искреннее веселье.

Тав пока ещё ничего не понимал. Он был добрым, хорошим малым, и такие сложные философствования были ему не по зубам.

– Так вы освободите его коды? – спросил вежливый Тав, в то время как Альф ещё не мог прийти в себя от культурного шока и от админа-ортодокса.

– Да, конечно, идите собирать жизненные принципы на других доменах, – буркнул недовольный админ, и на свободный счёт Альфа вдруг упала кругленькая сумма кварков.

Друзья были довольны результатом проделанной работы и ещё какое-то время посидели в парке и поупражнялись в командном cloudball – разгоне небольших тучек силой мысли – с такими же гуляющими в парке индивидуумами.

Идти к админу в домене Тава решено было завтра. Альф не переставал улыбаться. Жизнь налаживалась. Когда друг присутствовал рядом, удача тоже была тут как тут.

Альф первым заметил и поднял, никого при этом не оттолкнув и не обидев, упаковку от сладкой ваты, неосторожно оставленную здесь в парке кем-то ещё вчера. На счёт упало ещё какое-то количество кварков. А пожилой японец, который издали заметил полупрозрачную упаковку и уже направился было к ней, не стал упрекать Альфа, а заговорщически ему подмигнул.

Утро следующего дня было удивительно свежим и чистым. Как только Альф проснулся, он явственно представил все события прошедшего дня и изумился их обилию. Давно он не жил так полнокровно! Ещё немного – и он захочет сходить в район старого домена, чтобы ещё раз поглядеть на молоденькую девушку-оператора. Перед глазами замельтешил, замигал образ Тава.

– Как спалось? Думал о ней? – Альф в очередной раз изумился интуиции своего «ангела», Тава.

– Хочешь, я поговорю с ней о тебе? Неизвестно, что твой старый админ наплёл ей про твою доменную историю, – предложил Тав.

– Нет, не стоит. Не к спеху. Вот стану состоятельной, приду и приглашу на свидание. А пока займёмся делами.

– А о чём вы вчера говорили в офисе домена? Кого-то убить, чтобы завладеть ангелом? Я, честно говоря, ничего не понял. Что за атавизм – убивать! В наше-то время...

– Никого мы не будем убивать, – засмеялся Алеф. – Мало ли на земле осталось придурков! – И поёжился, почти физически ощутив, как несколько десятков кварков скатилось в никуда, в фонды помощи несчастным.

В домене у Тава им пришлось подождать какое-то время. Здесь образовалась живая очередь из нескольких индивидуумов, несущих свои свободные коды сюда. Видимо, домен Тава и вправду пользовался репутацией непредвзятого и честного накопителя.

В комнате у админа сидел улыбчивый человек в очках. Алеф сначала не понял этого облика. Очки он видел когда-то в одном историческом фильме. Впечатление было такое, будто зашёл в музей.

Админ перехватил его взгляд и вник в его настроение.

– Это моя защита, – улыбнулся он. – Я сделал её по заказу в виде очков. Так в старину говорили: «Глядеть на мир через розовые очки». Сюда часто приходят люди с неочищенными энергиями. Слышал, у вас тоже запятнанная доменная история?

– Да. Но я уже вчера освободил свои коды – и сразу почувствовал облегчение. Видимо, я был инородным телом в своём домене. И поэтому все мои кварки пропадали, когда я раздражался, и у меня не хватало сил на накопление добра.

– О, старая история! Простите за любопытство: может, вам тоже предлагали стать сверхчеловеком, убив и возвысившись? Здесь сегодня с утра уже был один юный накопитель, которому за это пообещали ангела на его домене.

Алеф покраснел и осторожно глянул в сторону Тава.

– Да уж, было дело. Не хочу даже вспоминать об этом. Давайте сосредоточимся на главном. У меня вот какая бизнес-мысль возникла. В моём доме сохранилась старая скрипка. Мой дед играл когда-то. Он был одним из последних на земле исполнителей живой, а не цифровой музыки. Это было ещё в годы биткоинов. До того, как перешли на кварки. Так вот. Когда нам приходилось туго, дед зарабатывал биткоины на улицах. Ему никак не давался этот цифровой переход. Да оно и понятно: человек старой формации. Кроме того, его старые обиды замучили. Всё, что он зарабатывал на уличной игре, уходило в счёт погашения долга по обидам и негативным энергиям.

– Да-да, очень интересно! – Новый админ внимательно слушал Альфа.

– Дед и меня учил. Помню кое-что. И пальцы помнят. Просто стеснялся играть в наш век цифровой музыки... Так что мой новый проект – выйти в парк и попробовать поиграть на скрипке. Понимаю: сначала не все поймут. Ну а вдруг?

Тав смотрел на Альфа во все глаза. Легендарные скрипки, скрипачи, живая музыка! Да его друг – просто гениальный мальй! Как же это раньше не пришло им в голову?

Уходили они из домена довольные и наполненные новыми надеждами. В электронном кошельке чувствовалось движение, а новые кварки оживляли зумом его когда-то пустые ёмкости.

Целый день ушёл на подтягивание струн и поиски нот, канифоли и подставки под ноты, которая называлась забытым словом «пюпитр». Тав долго смеялся, когда Алеф сказал ему, что именно он ищет на складе у деда.

На складе чего только не было! Алеф уже давно не заходил сюда. Названий старинных вещей он уже не помнил, это было ни к чему. А вот то, что касалось скрипки, помнилось почему-то ярко и выпукло.

– Опоздал ты родиться, внучок! Я бы из тебя Паганини сделал в другое-то время... Эх, что за мода пошла – цифровая музыка!

Первые звуки, которые он извлёк из настроенной скрипки и наканифоленного смычка, были ужасны. Но уже через несколько минут пальцы вспомнили наставления деда, ноты заговорили с ним на понятном только им обоим языке, а смычок уверенно заходил вверх-вниз, пытаясь подстроиться под ритмы дыхания Альфа.

Всё это время Тав сидел на подоконнике, поджав ноги, и не сводил глаз с Альфа. Чистый ангел!

В парке у каньона с водопадами, любимом месте отдыха горожан, сегодня былолюдно, как всегда бывает в лет-

ний погожий день. Японцы уже с утра прошлись по всем дорожкам и потаённым уголкам территории, почистив и прибрал всё после ночи и заработав свои кварки. Старики и старушки были умыты, накормлены и выкачены в колясках на аллее парка. Дети играли в логические игры, временами пускаясь вприпрыжку по спортивным каскадам, чтобы снизить уровень активности мышц.

Альф остановил свой выбор на площади у центрального фонтана. Он осторожно вытащил скрипку из футляра, раскрыл дедовы ноты, поставленные перед глазами на пюпитр, и осторожно заиграл живую музыку.

Люди заинтересовались непривычным зрелищем и окружили Альфа и Тава, сидевшего на парапете фонтана, плотной стеной.

Альф играл несложные вещи. И уровень его мастерства для любителей исторических фильмов с игрой знаменитых оркестров мог бы показаться непрофессиональным, но все слушали затаив дыхание и даже не аплодировали, боясь разрушить волшебство этого действия. У некоторых слушателей в глазах заблестели слёзы, но это были светлые слёзы, судя по зуммеру электронного кошелька Алефа.

Анабиоз

Алекс вытянул ноги в удобном кресле на балконе. Балкон выходил на юго-запад, и с него хорошо был виден розовый закат. Ничто так не успокаивало Алекса, как вид на оранжевый закат с балкона съёмной квартиры на одиннадцатом этаже.

Как физиотерапевт Алекс автоматически отмечал у себя замедленное и спокойное биение пульса, когда он смотрел на лёгкие, спокойные морские волны, рябь бесконечной водной глади подальше от берега – по всей акватории, видимой глазу.

Ритм волн становился и ритмом его пульса, сущность его растворялась в чём-то огромном и первородном, тело начинало терять свой вес, а воздух свободно и вольно входил в лёгкие. Релакс. Анабиоз.

Ценность такого состояния как врач Алекс знал давно. Мышцы человека в таком состоянии самоочищаются, избавляются от продуктов распада своей жизнедеятельности, мозг работает лениво, но чётко, анализируя события, подводя итоги прошедшего дня.

Жена знала о его безотчётной тяге погружаться в суть вещей и не докучала лишними звонками. Но телефон всё-таки зазвонил, и на экране высветилось милое лицо с большими детскими глазами:

– Помнишь, что детей нужно отвезти в кемпинг? У них там сегодня погружение в ритмы ночной природы. Да, от школы. Проводит какой-то «гуру» от восточных техник.

Алекс усмехнулся: «И тут погружение»!

– Да, разумеется. Я сейчас сварю кофе и поеду домой к детям.

Он сунул в карман какой-то блестящий электронный аппарат, который лежал на столе рядом с телефоном, вздохнул и закрыл дверь на балкон съёмной квартиры. Дети – это святое.

Весь последний год он работал над созданием медицинского анабиотика – прибора, глушившего собственные биоритмы человека и вводящего субъект в искусственный анабиоз. При этом у аппарата был довольно большой спектр наводимых биоритмов: от пчелы до ствола дерева.

Камнем преткновения явился биоритм камня. Он был таким слабым, а амплитуды его – такими мизерными, что чувствительности его аппарата на это просто не хватало! А жаль. Погружение в жизнь камня могло бы дать человеку больше знания и стратегической гибкости, чем все остальные знания вместе взятые!

Алексу удалось улучшить разрешение системы самонаведения с резолюцией до подвида! В этом ему здорово помогла аромахимия.

В анабиотик вставлялась микрокапсула с природным ароматическим маслом, характерным для среды обитания наводимого объекта. Капсула выделяла пары ароматического масла – и процесс наведения биоритма шёл намного быстрее и с большими амплитудами.

– Растения вырабатывали свои суперэффективные ферменты и лекарства, вырабатывали на протяжении миллионов лет их существования! – Алекс стоит на кафедре известнейшего в мире медицинского университета и читает лекцию студентам. – Значение роли ароматных масел ещё до конца не осознано учёными и врачами. Это пока ещё terra incognita.

– Растения стационарны, они не могут убежать от опасности. Они (растения) не могут принять лекарство, если им нездоровится. – Студенты смеются. – Единственное, чем природа одарила растительный мир, – это способность регенерировать в себе такие вещества, которые способны бороться с болезнью, опасностью, саморазрушением. Одним словом, суперлекарства, созданные самой природой! Имунный «энерджайзер» плюс доктор – в одном флаконе.

На этом месте Алекс обычно открывал капсулу с каким-нибудь сильным ароматным маслом, и аудитория вмиг наполнялась запахом хвои или лаванды, или аниса под аплодисменты студентов.

Дети, сын и дочь, подростки, так стремительно бегущие к взрослой жизни, сидели по обе стороны от него на берегу у кемпинга.

– Пап, как продвигается работа? – нежная его девочка спрашивала о продвижении исследований с неподдельным интересом.

Он часто и много говорил в семье о своих трудностях и об успехах. Какое счастье – иметь крепкий тыл: прекрасный дом, чудных детей и жену! Алекс был счастлив.

– Ну, ты говори, если чем нужно помочь. – Сын обладал крепкими компьютерными знаниями, в которых Алекс уступал ему.

Алекс не просто так вместе с детьми остался на лекцию «гуру» из Тибета. Остался потому, что его интуиция, невероятно развившаяся в последнее время, шепнула ему: «Останься!»

Дети сидели, сложив ноги по-восточному.

«Так лучше уходить в нирвану», – подумалось лениво.

Они прижимались к нему с какой-то невероятной нежностью, в гармонии с собой, с миром, с любимым папкой. Ему так хотелось сохранить для них этот мир!

Алекс невольно улыбнулся. Всё, что он делал и будет делать, – для них: семьи, детей, расширения их мировосприятия и единения с миром.

«Гуру» между тем говорил о том, что у каждой природной субстанции, будь то вода, воздух, дерево, огонь, не говоря уже о цветах, птицах или даже мошках, есть своя генная память, своя история, своя ментальность, наконец.

Лекция увлекала, была динамичной и информативной. Уж Алекс-то знал толк в искусстве лектора. Английский у

«гуру» был что надо! И Алекс порадовался, что дети явно понимали каждое слово. Глаза их ярко отсвечивали в свете костра с ароматическими палочками, которые принёс с собой «гуру».

Рука Алекса вдруг отыскала в кармане куртки анабиотик – пока единственный опытный экземпляр, его детище, его аппарат погружения в мир – и нажал кнопки максимального антиритма для подвида «человек».

В тот же миг Алекс почувствовал, что в его венах течёт что-то густое и прохладное, полное древесных масел. Живица, смола и что-то лёгкое, эфирное, названия которому он не знал.

«Жизнь, – подумалось вдруг, – это во мне протекает жизнь!»

Течение жизни было медленным и полным смысла. Поляна преобразилась. Ни костра, ни сидящих возле уже не было. Точнее, они были, но в каком-то параллельном мире, который был похож на яркую точку. Исчезли даже дети.

Алекс ощущал себя деревом, спокойным, сосредоточенным на своих медленных неорганических циклах жизнедеятельности. Он многое помнил и многое знал.

Он знал, как выжить в тёмной ночи и без солнечного света, дающего ему большую часть энергии, как реинкарнировать во время пожара, как передать свою кровь новым молодым побегам.

И о людях он понимал многое. Они не ведают, что творят, вмешиваясь в жизнь планеты, такой нежной и такой ранимой!

Зуммер давно звеневшего в кармане куртки телефона заставил Алекса вынырнуть из искусственного анабиоза, предварительно нажав кнопку анабиотика.

– Это, наверное, мама беспокоится, – сказал сын. – Скажи, что мы скоро будем. А где ты витал, в облаках? У тебя было такое «деревянное» выражение лица! – И сын засмеялся своей шутке.

С шаманкой Марией Алекс познакомился на одном из симпозиумов альтернативной медицины. Она была очень странной, эта маленькая женщина с раскосыми северными глазами. Внешне казалось, что она была погружена в какую-то полудрёму, говорила нараспев, иногда просто засыпая на полуслове. А потом вдруг выныривала из своего полусна, и взгляд её цепко оценивал собеседника и обстановку.

– Я не люблю смертельно больных и отношусь к ним как к предателям! – огорошила она однажды Алекса в одной из бесед, которые он часто вёл с Марией. – Человеку вполне под силу противостоять любой болезни. А не борется – умирает. Предатель. Всё, что судьбой суждено (предначертано), ты обязан сделать в этой жизни, а не лапки склеивать!

Алексу было неприятно это слушать. В его понимании жизни, болезнь – это фатум, рок и слабому человеческому созданию не всегда под силу противостоять им.

– Чепуха! – отрезала шаманка, когда Алекс сказал ей об этом. – Превратись в камень, затаись, обвей себя ягелем тундры – и болезнь как рукой снимет.

А дальше уже что-то невообразимое, таинственное, непонятное, как сама шаманка.

Алекс вспомнил о Марии и её словах недавно, когда вдруг понял, что для его экспериментов по аромамаслам и анабиотику ему не хватает экстракта ягеля: натурального, крепкого, ядрёного!

Лететь пришлось с двумя пересадками в аэропортах, а потом долго трястись на расхлябанном «джипе» до богом забытого посёлка в тундре, где жила и врачевала Мария.

Хозяйку дома он не застал и прождал её до вечера на лавочке у неказистого деревянного домишки. Мария уходила в соседний посёлок за семь километров пешком раз в неделю. А Алекс приехал именно в такой день. В соседнем посёлке был Интернет. И Мария отсылала работы, заметки, письма адресатам по всему миру.

– О, приехал, проходи! – Мария, казалось, не очень удивилась появлению у неё гостя издалека.

Они чаёвничали долго, чинно, сидя на корявых табуретах в единственной комнате домика. Алекс рассказывал, зачем ему понадобился экстракт сильного и вольного ягеля, не такого, как на фермах по производству диких лечебных трав.

Мария слушала внимательно, не перебивая. Потом взяла какой-то свисток и время от времени дула в него, вызывая то ли свист ветра, то ли шорох ягеля под стопами редкого путника.

– Душу камня хочешь понять, к основанию земной пирамиды пришёл, – как будто даже не сказала, а прошелестела она.

Утром, одевшись так, как положено в тундре, защитив лицо и руки от мошкары, Алекс с провожатой вышли в поисках сильного и сочного вольного ягеля.

Идти пришлось недолго. Сразу же за посёлком они обнаружили поляну с небольшими валунами, прочно и крепко обвитыми ползучей травой. Всё, как и представлял себе Алекс.

Он нагнулся, сорвал горсть травы, растёр её пальцами. Запахло терпко, ясно, таинственно. Алекс нажал на кнопку антиритмов человека и вывел анабиотик на максимальный режим...

Ветер раздувал по белёсому небу перистые облака так сильно, что казалось: небо не выдержит такого напора и опрокинется на землю, пустую, серую, с унесённым грунтом. Мало чего осталось на этой земле. Озёра высохали, моря и океаны мелели, коррозия, как короста, покрывала когда-то возделанные поля. Оставались лишь редкие деревья с сильным генетическим кодом реинкарнации, ветер и камни.

Камень мог жить и так: без биосферы, без обильной влаги, без человека. Камень умел дышать медленно-медленно:

один вдох за полстолетия – и думать он мог медленно, отстранённо, веками.

Только кое-где в тундре ягель – ядрёный, терпкий – обнимал камни. Ещё камень помнил человека.

– Эй, что, окаменел, однако? – потянула Алекса за рукав Мария. – Идти пора. Темнеет помаленьку.

Алекс отключил анабиотик. Теперь он знал, что нужно спасать в первую очередь, для чего жить.

Вот уже несколько недель, как Алекс работал над новой шкалой анабиотика. Семинары, лекции, сложные организационные дела клиники – всё ложилось на хрупкие плечи его большеглазой жены.

Он жил почти отшельником в квартире над морем и только изредка делал какие-то срочные звонки. Работа поглощала все дни и ночи, все его мысли. Шкалу прибора пришлось полностью переформатировать с учётом огромного разброса по времени, который вносили камень и его субстанция во всю идею анабиотика. Да и аромамасла, его помощники, должны были видоизмениться: стать самыми яркими, насыщенными, неповторимыми представителями того отрезка временной шкалы, на которой они работали.

Сын сейчас тоже помогал ему, рылся в «Википедии». Нет, не в той, общеизвестной, где можно погуглить и найти банальные данные обо всём на свете. А в экспериментальной, ещё не доступной общему числу пользователей, серверы которой работали только по специальному паролю, выдаваемому футурологам, культурологам и... психологам.

– Странно, почему психологам тоже? – спросил Алекс у жены, которая занималась его допуском.

– Я думаю, – услышал он её нежный, мелодичный голос в телефоне, – чтобы иметь инструменты, которые помогут снять стресс человека от этих мегарасширений, – просто сказала она.

Он понимал, о каком стрессе идёт речь. Живая и неживая природа сливались в его нынешнем представлении о земной жизни в одно целое. Существование на планете представлялось одним пульсирующим, живым организмом, в котором всё связано со всем. Привычные понятия медицины, истории, философии видоизменялись и становились в его мозгу какими-то частностями чего-то значительного.

– Понимаешь, я чувствую себя усталым, разбитым и очень маленьким. Нет, я не выдумываю. Камень перевернул во мне что-то. Лучше бы я туда не залезал! Чёрт меня дёрнул к этому ягелю! – Алекс устало прикрыл глаза. – Да, я зависну здесь ещё на какое-то время. Прости.

Жена тихонько вздохнула и сказала:

– Хорошо. Ты только позвони профессору Дову – помнишь, вы встречались на конференции НАСА в Коста-Рике? Он просил связаться с ним по вопросу, который, судя по всему, может тебя заинтересовать.

Дов ответил только на третий звонок. Голос его был усталым и каким-то надтреснутым, лишённым выразительности.

– О, дорогой Алекс! – обрадовался он, когда понял, кто оторвал его от бесконечных размышлений и тупика, где он находился всё последнее время.

– Ты-то мне и нужен! Помнишь, ты говорил как-то о геномной памяти ароматериалов, цивилизации камня и вообще соединял органическую и неорганическую жизнь в одно целое? Я тогда отнёс это к чудачеству. Гениальный экспериментатор, как ты, может себе позволить. Но у меня вдруг возникла идея, связанная с информацией ДНК, шифров крови и прочего, чем нашпигован человек. Понимаешь, а камень...

Они договорились вылететь на Урал, на шельфовые разработки самоцветов через пару недель. У Алекса было время, чтобы собрать ещё один анабиотик: для Дова.

Он не видел свою девочку уже почти месяц. И если с сыном у Алекса ещё были какие-то разговоры по телефону, что касались прогнозов футурологов в их тайной закрытой «Википедии» для экспериментаторов и шизофреников, ищущих альтернативные пути понимания мира, то дочка, его нежная чувствительная девочка...

– Пап, как же я хочу тебя видеть! Когда же мы, как раньше, поедem общаться с природой? Я так скучаю по нашим общим вылазкам! Знаешь, я видела во сне недавно, что в моих венах течёт какая-то смола, живица, что-то такое прохладное! Я чувствовала, что превратилась в дерево, и мне было так хорошо! Я чувствовала, что в моих венах течёт жизнь!

В аэропорту было огромное количество пассажиров. Потoki прилетевших струились сквозь потоки улетающих. И эта суета, и эти люди со своими сиюминутными делами были понятны Алексу.

Он, жена и дети стояли, прощаясь перед его отлётом, как остров среди океана. Обнявшись. Перетекая один в другого живицей, смолой. Его семья. Его жизнь.

С Довом они встретились уже непосредственно в аэропорту после пересадки. Самолёт летел на Урал, к обилию самоцветов, изумрудов, карьерам и шахтам, к венам каменных гряд.

Дов держал в руке анабиотик осторожно и недоверчиво. Они были в бизнес-классе одни. Два бортпроводника улыбались им услужливо и даже как-то заговорщически:

– Попробуйте сок этого древнего экзотического фрукта. Мы получили экспериментальную партию только вчера из Мексики, – говорила милая девушка-стюардесса. – Он и в банке сохраняет свои мистические свойства: проникать в суть вещей.

Оба рассмеялись.

– Тащите сюда свой сок! Это нам сейчас точно не помешает! Да плесните туда немного текилы – тоже окрыляет воображение!

Сок был терпким, горьковатым, но при этом удивительно вкусным. Стюарт повторял и повторял заказ, пока оба не откинули сиденья, чтобы немного вздремнуть перед прилётом. Обоим снились горы, шельфы и каменная кровь, что течёт в сердце скалы и несёт в себе генетический код времени планеты.

Добираться до места назначения, где Алекс и Дов наметили проводить свои эксперименты, пришлось довольно долго. Дорогу назвать комфортной было нельзя. Да и машина, хоть и с высокой проходимостью, уже явно выработала свой жизненный ресурс.

Вид на горы, древние и улёгшиеся относительно невысокими хребтами, успокаивал и настраивал на философский лад.

Выбор места эксперимента пал на Уральские горы неслучайно. Это были, с одной стороны, древние горы палеозойского возраста с сильно смятыми, кое-где нарушенными разрывами. С другой стороны, они были живыми, растущими, меняющими свой облик.

И вся информация об этих изменениях хранилась в шельфах драгоценных и полудрагоценных камней, как в ДНК человека хранится информация об особенностях его организма. Как в вене хранится его генная история. Дело только в том, что прочесть историю живых гор можно, только выведя анабиотик на максимальные временные режимы. Для этого они с Довом здесь, в геологическом лагере.

– А ты и вправду живёшь в джунглях Коста-Рики, в кемпингах работников НАСА? – у молодого геолога глаза почему-то разного цвета. («Наследство от бабки-шаманки», – смеётся он.)

– Хотел бы я хоть на день оказаться в джунглях Коста-Рики!
Дов с удовольствием рассказывает этим молодым симпатичным ребятам о чудесном единении всего живого в Коста-Рике:

– В этой стране у всякого живого существа есть свобода и право на жизнь!

– И у крокодилов?

– Да, и у крокодилов. В реках, где они в основном обитают, крокодилы не огорожены вольерами. Их подкармливают, само собой, чтобы они не сильно хищничали, но если к берегу близко забредёт корова...

– Основные законы страны относятся к правам животных. Для сохранения всего живого в этом раю на земле.

Слушатели сидят у костра рядом с временными домиками экспедиции и заворожённо слушают учёного.

– А чем занимаетесь именно вы? – Внук шаманки внимательно вбирает каждое слово, вороша угольки костра.

В костре печётся картошка, которая Дову очень по вкусу. И Уральские горы учёному очень по душе, хотя звёзды на небе здесь не такие яркие и выпуклые, как на Коста-Рике.

– Я занимаюсь в основном генной памятью биологических видов. А вот теперь, с подачи моего друга, хочу участвовать в экспериментах по генной памяти земли и в неживой природе.

Слушатели обескураженно молчат. И лишь внук шаманки ничему не удивляется:

– Я знаю, что душа и память есть и у горы, и у дерева, и у камня. А вода, как кровь земли, несёт в себе всю информацию. Драгоценный камень – это накопитель, как сервер, всех событий и действий. Я поэтому и в геологи пошёл. Хочу научиться считывать всё это. Хотя бы для того, чтобы знать, как защищать живой мир. Но пока не знаю, как это сделать. А вот бабка моя знает. Говорит, что от любой напасти, болезни, природного явления есть какие-то травы, вкусы, запахи... Чудна'я!

Дов и Алекс заговорщически переглянулись.

Для эксперимента погружения в неограниченных временных рамках Алексу нужно было отыскать цветы чабреца, выросшего на базальтовых склонах Восточного Урала. Они нашли это роскошество уже на второй день. Чабрецом в старину окуривали больного, считая, что бесы не выдержат благоухания и покинут его.

А пока что пальцы Алекса, пахнувшие раздавленными цветками для получения ароматического эффекта, доводили Алекса до желания покинуть поле эксперимента. Чабрец пах до одури, до головокружения!

Алекс мямл фиолетовые цветки чабреца в тяжёлой ступке, которую нашёл у геологов, до получения нескольких капель ароматического масла, которые он аккуратно вылил в два крохотных пузырька. Сегодня вечером они с Довом хотят провести первый эксперимент.

Алекс невольно взглянул ещё раз на кустики чабреца на пологом склоне. Какая красота! Цветы покрывали склон сплошным ковром. Сиреневые, уходящие куда-то в фиолетовый, они имели ближе к веточке коричневатые розочки соцветий. И всё это вместе: и цветы чабреца с умопомрачительным запахом, и вид на пологие горы с нередкими залысинами скал, и нежного голубого цвета небо – давало такой простор мыслям, такую полноту жизни, что хотелось жить вечно, и петь, и летать!

– Ух! – оборвал свою эйфорию Алекс. – Нужно позвонить своим. А то мало ли что...

Опасность существовала. Но это была чисто теоретическая опасность «двинуться умом» во время эксперимента. Как сходят с ума «фермисты» или «перпетуум-мобилисты». Он видел таких в клиниках для душевнобольных, где проводил свои сеансы ароматерапии. Мозг может не выдержать стресса и обилия информации.

– Как дела? Что там, дома? Как дети?

Алекс был хорошим отцом и примерным семьянином. Львиная доля семейных обязанностей всегда лежала на нём: привезти, купить, заплатить. И только последние разработки и эксперименты выбили его из колеи.

Голос жены был уставшим и встревоженным. Но она старалась не показывать этой усталости:

– Всё в норме, дорогой! Тут у тебя столько корреспонденции, электронных писем, вызовов! Прилетишь – месяц будешь разгребать! Не волнуйся. Я держу оборону. – Он почувствовал, как она улыбнулась своей мягкой и нежной улыбкой (нежно и мягко улыбнулась). – Когда ты примерно планируешь?.. – Она замолчала: понимала, что планировать ничего нельзя. – А то тут уже и из НАСА звонили: потеряли Дова.

– Сегодня, – только и сказал Алекс и отключил телефон.

Вечером оба учёных ушли подальше от лагеря, насколько было возможно. Разложили небольшой костерок, уселись на поваленное бревно и вынули анабиотики. Каждый – свой. Алекс протянул Дову маленькую ампулку с ароматическим маслом чабреца и ещё раз показал, как отключать биоритмы человека. Временной режим на аппаратах был настроен на максимум изначально. Глубокий вдох и...

Их нашли утром геологи на той поляне у потухшего костерка. Оба учёных лежали на траве и смотрели в синеватое, неяркое небо. Глаза были какими-то окаменевшими и застывшими. Иридодиагностики смогли бы считать информацию о том, что здесь произошло, по радужной оболочке глаза, вероятно, если бы оказались на той поляне. И вот что ещё интересно: глаза у каждого были разных цветов: сиреневый и карий.

В Час Быка

ПОЭМА-ФЭНТЕЗИ У ГОРЫ СОФРАТА*

Lento Maestoso

На белом плато в Час Быка
беззвучный шёпот лун на небе.
Переливается в ночи
магнитных волн и плазмы сток.
И освещаются бока
обсерваторий, шлющих в небыль
энергий жизненных лучи
и знаний истинных поток.

Всемирный Мозг, иль Суть, иль Бог,
или История Вселенной
до чёрной сужена дыры,
до точки на граните плит.
И то, что человек не смог
нам донести из жизни тленной, –
все прегрешения и дары
межзвёздный сервер здесь хранит.

*Софрата. Что же означает это красивое слово на болгарском? В пятнадцати километрах от болгарского городка Смядово находится скальное образование, гладкая каменная поверхность которого навеяла воспоминание о плоскости стола, и это необычное творение природы так и называют – Софрата. Не только природа, но и человек приложил свой труд к этим камням. Считают, что там было фракийское святилище. Так ли это, никто не знает, но предпосылки к такому выводу имеются. В скале вырублено что-то типа бассейна. И знаки какие-то есть, только их расшифровать не могут (из материалов Интернета).

Его работа не проста –
в молекуле (душе Кощея)
хранится код одной Земли,
где летом плавится асфальт.
А тыщи лет назад уста
одной южанки, не робея,
пить мёд услады так могли,
что шёл разряд на сотни ватт!

Росо Adagio

Куца юбчонка. Белизна
её бедра – на зависть нимфам.
В ладони узкой бирюзой
сверкает камень из реки.
Ещё не мужняя жена.
Ещё не кровь любви, а лимфа
течёт в груди её шальной,
и шалость кормится с руки.

Она любима. Местный князь,
иль царь, иль бог – её поклонник.
Без обязательств и речей
по древней скифской ворожке.
На белых скалах знаков вязь
расскажет, как ласкал любовник
её в безмолвии ночей,
расскажет о её судьбе.

Она бедна, а он богат.
Она пастушка, впору фавну.
А он – вельможа, властелин,
легенда на семи ветрах.
Её единокровный брат
таит обиду за неравный
роман. Но может ли один
сразиться с тем, чьё имя – Страх?

Andante Moderato

Меж тем обычаи страны,
в которой жили и любили
под звёздным небом и цари,
и престолюдинки, одни.
Немногословны и верны,
для всех людей едины были:
сжигались трупы той земли —
и свинопас, и господин.

В далёком космосе судьба
ложится рунами на сервер.
Хранится информации bit
(один такой — на триллион!).
А жизнь бездушна и груба:
понятно всем, где юг, где север,
где пуп заплатою прикрыт,
а где на шее медальон.

Когда к горе спускалась ночь,
на гребень каменного плато
несли дрова и сена клок
на ритуальные костры.
И поджигали сын и дочь
того, кто был отцом когда-то.
А пепел дождевой поток
смывал в грядущие миры.

На теле камня и горы
виднелись щели с желобами,
что уносили лёгкий прах
на почвы и в долины рек.
Бывают разные миры
на сервере: миры с гробами,
террор, что трупами пропах,
где слаб и жалок человек.

Andante

В просторах скифских тишь да гладь
пока царят. Ольха и сосны
растут на пепле как грибы
и подпирают неба свод.
Хранит покой хмельная рать,
блаженны ночи, утра росны.
Влюблённым кровлею – дубы,
в которых соловей поёт.

Её волос струится шёлк
по загорелых плеч окату.
Его кудрей ложится медь
вокруг желанного лица.
И в отдаленье сытый волк
из чащи и олень рогатый –
свидетелями. Только смерть
их разлучит. Её венца

ещё не мыслят ни гора,
ни белый камень на вершине,
ни желобок, где летний дождь
ещё не смыл недавний прах.
Великодушна и добра
скала к влюблённым, что поныне
здесь стелют ложе. Разве ждёшь
от счастья зла и боль, и крах?

Presto

Меж тем свидетелями дней
счастливых были, брата кроме,
завистливых соседей рой,
что из расщелин белых скал
(мудря, кто круче, кто бедней
в приватном проживает доме),
что грезят золотой казной
и кажут хищных ртов оскал.

Неважно, на какой из звёзд,
не видно, на какой планете,
из всех известных аксиом
закон один и суть одна:
уж если ветерок принёс,
что есть богатство в этом свете,
то зло наметит этот дом
как цель. И вот грядёт война.

Скульптуры слитков золотых
нам кажут лошадей и фуры.
А право золотых волхвов
поставят на кон, как фетиш.
На колесницах боевых
копьём щетинятся фигуры,
и воз награбленных даров
являют миру как престиж.

Брела война до белых скал,
до скифских золотых владений,
брела, и трупам вороньё
уже выклёвывало глаз.
(На сервере режим упал.

Сегодня там дежурил Гений:
«Опять войнушка? Не моё».
И не вмешался, и не спас.)

Брат, разъярённый за сестру,
за свет любви её свободной
по долу рыщет. Но судьба
владыку скифского хранит.
И развеивает на ветру
подол одежды благородной.
На белом камне желоба
налиты кровью. Враг разбит.

Lento Maestoso

Но где же нимфа? На бедре
чуть виден след копья и яда.
Как будто спит. Прекрасным смерть
являет бледное чело.
Лежала камнем на горе
любви и глаз его отрада...
(Пришёл дежурный посмотреть,
что на горе произошло.)

Софрата высится в лучах
послеобеденного солнца.
Рыдает брат. Безмолвен князь.
Готовят хворост на костёр.
А тонкий лазер в облаках
сквозь туч незримое оконце
на скалах пишет знаков вязь,
что растворяется в веках...

Потом разряд. И гром. И дождь.
Охрана князя вбита в камень.
Телепортирован герой
в фракийский полумрак гробниц.
Наш оператор с князем схож.
На сервере бушует пламень.
Брат героини под горой
свернулся в камень, павши ниц.

О Смеде и сыновьях

*Языческие боги в лесах и горных нишах
Старой Планины хранят сокровища, власть
над реками, озёрами, дождями
и засухой...*

В лесах болгарских Баба Золотая
расставила служителей: змея,
русалка, пень. История простая –
о Смеде* повесть начинаю я.

О Смеде, что ушла в леса Планины,
оплакивая мужа. И взяла
четырнадцать сынов своих родимых
и горстку материнского тепла.

Не быть им под турецким глазом злобным
и гроздя винограда не срезать,
не жить в земле, что стала местом лобным! –
так молвила сынам под вечер мать.

На сборы – до захода солнца время
(взять тёплую одежду не забыть).
Уходит в ночь, в леса младое племя,
чтоб жить в свободе, а не в рабстве гнить.

Привалами короткими у речек
хрустальных, чистых напевала мать
своим сынам о доле человечьей,
о горе том, что лучше бы не знать.

*В поэме отражена легенда о смелой и свободолюбивой болгарке по имени Смеда, которая в XVI–XVII вв. вместе со своими четырнадцатью сыновьями основала село, а затем город Смядово.

О том, что их отец сражался лихо
за дом их, за деревню, за народ.
Трещал костёр, и спали дети тихо
на берегу, где водяной живёт.

О Бабе Золотой и о Софии
хранил народ сказание в веках:
в воде русалки жили разбитные,
сидели совы рядом на ветвях.

Легенды о языческой богине
забыты в православных деревнях.
Но живы духи в чаще и поныне –
уселись на разлапистых ветвях.

Глядят на Смеду и её богатство:
четырнадцать сердец, упавших в ночь.
Какое уж такое святотатство –
их ограбить от зверя и помочь?

Помочь избушку первую в чащобе
соорудить из веток и стволов.
А леший обещал помочь в учёбе
рубахою ловить в реке сомов.

София знает, как прожить на свете
без деревенских изб и без коров.
У слуг богини научились дети,
как чистить рыбу и сушить улов.

Как суп варить, кореньями богатый,
как шапки шить и шубы из лисы.
Не пропадут отважные ребята
в лесах болгарских девственной красоты!

И лес рубили, и смотрели гордо
на первую дорогу под горой.
И тыкался телок в ладони мордой
приблудный, первый, ласковый такой!

А леший и русалка помогали,
а пень трухлявый нашептал коня.
Без этой тихой помощи едва ли
пришла арба, колёсами звеня.

А турки, что ж, простили и забыли
о бегстве и опальных сыновьях?
Злопамятны и злы их души были,
когда на хутор, нагоняя страх,

блестя кривою саблею, украдкой
среди тёмной ночи пробирались в дом.
Сова кричала трижды. Сетью гладкой
опутан старший. И убит потом.

И турки отступали. Раз и боле.
Сожгли посевы. Вытоптали лён.
Но тот, кто раз познал блаженной воли,
не будет снова схвачен и пленён!

Уж лучше смерть. Стояли насмерть парни,
а с ними – мать и Софья, и овраг,
чтобы в густых лесах старинной Варны
ушёл ни с чем презренный, злобный враг.

Так начиналось Смядово. Со Смеды,
с лесного хутора, с языческих богов.
И там, где знания языческого веды, –
там тени предков, бога и основ.

Там ухает сова и плещет рыба
русалочьим хвостом, там ведьмин глаз.
Кто знает, как дружить с природой, прибыль
получит в дом в благословенный час.

Так и у Смеды с сыновьями. Город
уже давно раскинулся широк.
Встают на горизонте синем горы,
блестит в лучах покрытие дорог.

Здесь пряный мёд целебный, чистый воздух,
здесь даже пень в болоте не гниёт.
И Золотая Баба бает звёздам.
Она как раз над Смядово живёт.

Удрать от Тёрнера

Роман

Вместо предисловия

Действие происходит в современном городе в наши дни. Реальность и повседневная жизнь героев романа – работника муниципалитета, а проще – мусорщика, которого все зовут Рентген, и его жены – внезапно превращается в мистическую феерию благодаря картине, которая оказывается в руках Рентгена, как до неё оказывались там сотни и тысячи находок, вещей, которые люди бездумно выбрасывают из богатых вилл одного из элитных районов города.

Главные герои романа – Рентген и его жена Кошка (так он её называл) – вынуждены резко изменить стиль существования благодаря картине Тёрнера, которая врывается в их жизнь и заставляет совершать поступки, о которых раньше они и не помышляли.

Рентген – тишайший парень, честно делающий свою работу, всю свою жизнь проработавший в городской службе по уборке улиц. Работа эта даёт ему финансовую свободу, поскольку у него есть неплохой побочный заработок от продажи найденных у мусорных баков электротоваров, новёхоньких, в упаковках, выбрасываемых богачами по каким-то им одним ведомым причинам. Так же как и предметов искусства, одежды, ковров, которые предприимчивый малый тут же сбывает за хорошие деньги на местном рынке. Он честен, порядочен, любит и понимает людей и животных в силу своей природной интеллигентности. Единственное, к чему он стремится, – это его интересная «ночная» жизнь, находки, уютный дом с любимой и любящей женой, коллекция антиквариата и предметов искусства, собранная им в душные или, наоборот, дождливые ночи на улицах большого мегаполиса.

Кошка, его жена, – ласковая и интеллигентная женщина, разделяет его увлечение. Она окончила курсы оценщиков антиквариата и предметов искусства и с удовольствием помогает мужу собирать их замечательную коллекцию, найденную в мусорных баках. Они реставрируют найденное, кропотливо собирают сведения о художниках и скульпторах найденных сокровищ, мечтают открыть частную галерею, где Кошка будет водить экскурсии и вдохновенно рассказывать о найденных вещах и об улицах, где их выбросили в мусор. Такая вот мечта. Такая вот трудовая, скромная жизнь. Есть у них, правда, и секрет. А вот об этом уже читайте в самом романе...

ГЛАВА 1. НАХОДКА

Голубоватый свет уличного люминесцентного фонаря падал на картину косо. Даже полная луна, яркая и крупная, на чистом ночном небе ясности не добавляла. При свете двух этих источников освещения он пристально рассматривал небольшую картину в позеленевшей металлической рамке.

Собственно, эта самая рамка и привлекла его внимание. Позеленевшая – значит, медная, старинная, может, даже из прошлого века. Чего только не бывает под луной, тем более такой: весёлой, круглой, сочной, как булка с повидлом.

На картине изображён туманный пейзаж. Что-то европейское. Он сфотографировал находку и отослал фото по телефону. Потом позвонил жене: она-то знает толк в таких делах...

Мимо неслышно проехал электровелосипед с темнокожим парнем за рулём. Одежда парня тоже была в тёмных тонах. «Так и случаются аварии, – промелькнула мысль. – Как же ты увидишь такое привидение на ночной дороге?» А велосипедист весело улыбнулся и показал два ряда белых, блеснувших в лунном свете жемчужных зубов. На темноватой улице сразу стало светлее!

– Алло! Видела? Ну, что скажешь? – на том конце телефона жена говорила что-то возбуждённо и быстро. Он почти ничего не понимал.

– Посмотреть, есть ли подпись, год? Погоди. По-моему, есть что-то. Латинские «t», «e»... Что? Ты думаешь... Ну, такого у нас ещё не было! Всякое бывало, но такого даже я не ожидал! Ну как я тебе? «Рентген», а? Часа через два буду. Готовь лабораторию, образцы, химикаты. Скоро приеду. Осталось немного. Ещё пару улиц. Может, и там каким-нибудь идиотам пришло в голову выбросить живопись старой английской школы: не подошла под цвета нового салона...

Сколько раз в жаркие или, наоборот, дождливые ночи он извлекал из самых неожиданных мест предметы искусства,

живописи, ювелирные изделия... В доме его матери сараи ломились от всякой всячины!

Самое ценное приносилось домой, изучалось, подвергалось тестированию, складировалось для собственной мечтательной галереи (о которой мечталось). В руках его жены картины раскрывали свои секреты: известные и не очень, иногда «музейные» имена, историю, даты написания, страны и континенты.

Двести картин, аккуратно запакованных, в небольших кладовках, прилагаемых к жилой площади, жили рядом с ними, обработанных, реставрированных, тщательно занесённых в архив, где значились дата и место находки, автор, предполагаемые годы создания и прочее.

Вот уже сорок лет он кружит по этим ночным улицам. Знает каждый закоулок, каждую трещинку на дороге.

– Ну что, проголодался? – Маленький гладкошёрстный пинчер трётся о ногу, преданно заглядывает в глаза. Привычным жестом хозяин раскрывает багажник, достаёт угощение для друга, а заодно открывает консервным ножом банку рыбных консервов.

Вороны, чёрные городские вороны, прилетают сразу, как будто бы только и ждали приглашения! Существует устойчивое мнение, что вороны не дрессируются. Чепуха! Эти вороны сопровождают его машину, когда он появляется в черте города, летят за ним, каркая и создавая крыльями шум, как будто море плещет о берег..

Они с женой хохочут, открывают окна в машине, несмотря на жару, машут своим друзьям, приветствуя их в высоком нежно-синем небе. Это происходит, когда они проезжают здесь днём. А сейчас, ночью, вороны подлетают к нему и усаживаются совсем близко, с уважением и любопытством поглядывая на очередную находку.

– Ну, что скажешь? – разговаривает Рентген с самым старым и большим вороном, по всем приметам вожакom стаи.

– Старая английская школа, говоришь? Может, даже этот, как его, ну, жена только что называла? Сказала, что это будет главным экспонатом, находкой всей нашей с тобой жизни! Понял, старый? – Ворон деликатно клевал из банки, давая и другим приблизиться к лакомству. Пёс тёрся о ноги. Картина поблёскивала тускловатой ещё, не очищенной и не отреставрированной рамкой и скрывала под слоем пыли редкое сокровище живописи старой английской школы.

Мимо, как летучие мыши ночью, мягко шурша шинами электровелосипедов, проезжали, сверкая белозубыми улыбками, жители иммигрантских районов.

– И чего им здесь шастать? – думалось Рентгену.

Здесь, в богатых виллах, жили в основном семьи миллионеров или очень обеспеченных людей. В аккуратных патио можно было увидеть медийных знаменитостей, деятелей искусства или даже членов правительства.

Иногда, когда эти известные люди умирали, домом начинали распоряжаться многочисленные наследники, пока кто-то из них в тяжёлой битве с другими не овладевал недвижимостью в престижном районе и не начинал выбрасывать старую мебель, картины и прочее из свалившегося на его голову сказочного особняка. Выбрасывать потому, что не подходила под цвет его новой мебели.

В такие дни хозяин пинчера и друг воронов бывал счастлив и старался находиться поблизости. В такие дни он с женой был занят пополнением коллекции для своей будущей галереи.

– Который час? – вдруг встрепенулся и поглядел на часы счастливый обладатель картины в позеленевшей рамке. – Ой, что это я сегодня? Скорей, скорей, а то не успею выкатить мусорные баки к приходу самосвала!

И работник муниципалитета в спецодежде, светящейся в ночи, чтобы быть вовремя замеченным приближающимся

транспортом, а проще – мусорщик, ринулся выкатывать на дорогу баки с мусором, забросив картину на заднее сиденье припаркованной тут же машины.

ГЛАВА 2. ПЕРВЫЕ ПРИЗНАКИ

Он звал её Кошкой. Голос жены по телефону немного менялся: становился каким-то детским, наивным, мягким, с милыми интонациями, которые сводили его с ума...

У них было заведено звонить друг другу по ночам, когда Ор работал. Мало ли что может случиться с человеком на улице, в центре живущего бурной ночной жизнью города?

Жена волновалась каждый раз, когда телефон несколько часов молчал.

По улицам группами ходили наркоманы. Проститутки и коксинели выходили под утро из своих клубов, разбредаясь с клиентами по съёмным каморкам в центре, в районе, предназначенном под съём, тремя улицами ниже.

Да мало ли какие ещё опасности поджидают человека на ночных дорогах «весёлого» города?

Вот и сейчас он взял телефон и уже собирался услышать тихое и нежное «алло», когда вдруг увидел двух парней, переодетых девушками, у одной из генеральских вилл, возле развилки Слон. Парни не были клиентами ночного клуба коксинелей. Он понял это сразу. Походка у них не такая: не танцующая, игривая, жеманная, а такая походка, которая есть у парней из спортзалов: враскачку, с широко расставленными ногами.

Смешно и неуклюже выглядели на них женские короткие юбки и маечки. В руках у одного было квадратное электронное приспособление для взлома сигнализации.

– Полиция? В районе Слона двое пытаются угнать машину со двора генеральской виллы! Да, той, последней, со стороны ночного клуба.

– Я? Муниципальный работник по уборке улиц. Да пожалуйста, пишите идентификационный номер. Почему я думаю, что угонщики? Да тут и думать не надо, всё ясно. Скорее! Уже открыли дверь.

Он закрыл телефон и продолжил свою работу: выкатить баки вот у этого дома на проезжую часть, потом повторить ту же операцию, но уже с другой стороны улицы. Через полчаса придёт мусорная машина и опустошит содержимое. Он должен спешить.

Обратный звонок из полиции:

– Ты их видишь? Где они сейчас?

– Я думаю, что возьмётся с сигнализацией или с кодами зажигания.

Машина с угонщиками «вольво» между тем бесшумно отъехала от палисадника генеральского дома и заскользила как чёрное привидение в сторону сверкающего огнями центра. Возле Ора она приостановилась.

На него с опаской и зло глядели две пары глаз: «Не убрать ли лишнего свидетеля?»

Ор делал вид, что погружён в свои обязанности, и, не обращая внимания на машину, выкатывал на проезжую часть очередной бак, открыв нужным электронным ключом ворота очередной виллы.

Все ключи и коды были у него наготове.

Угонщики, по-видимому, сведений об этом не имели, иначе не возились бы со вскрытием ворот лишние две минуты, а попросту вытащили бы информацию из этого мусорщика, пригрозив чем-нибудь.

Этих бандитов он не знал. Хотя вообще знал многих. Ночные джунгли города были ему знакомы не понаслышке.

Форточники, угонщики, пешки городской мафии всех мастей, да и сама мафия – все они обитали здесь и жили по принципу соблюдения равновесия сил и прав с мегаполисом.

Эти двое были зарвавшимися «пришлыми». Поэтому он и позвонил в полицию. Нужно уметь соблюдать закон и думать о своей безопасности в ночных джунглях города.

Звонок из полиции:

– Где сейчас машина?

– Повернула в сторону центра.

Скрип тормозов. Звон стёкол и сильный удар раздались неподалёку. Бронированный автомобиль полиции преградил путь угонщикам, не подчинившимся приказу остановиться.

Теперь можно позвонить Кошке.

– Как дела? Пишешь? А у меня тут такое! И не спрашивай! Нет, со мной всё в порядке – меня Кучи бережёт... – Он погладил своего пинчера, который безгласно участвовал во всей этой акции, прижимаясь к ноге хозяина, дрожа всем своим маленьким телом.

Он всегда чувствовал опасность и выпрыгивал из машины всякий раз, когда происходили вещи, не вписывающиеся в его прямолинейный и честный собачий ум.

– Я звонил в полицию. Машину пытались угнать. Нет, не успели. Полиция их схватила. Я в порядке. Я же только позвонил и направил их. Что? Нет. Это «пришлые»! Да не волнуйся ты так! Скоро заканчиваю. Приеду и всё расскажу, иди спать уже. Пока.

На двери автомобиля сидел его ручной ворон. «Ишь ты! Значит, опасность была реальной. Зря этот старый колдун не прилетит. Да что со мной делается? С такими-то друзьями и хранителями?» – усмехнулся Ор и заглянул в салон машины.

Картина, о которой он успел забыть, лежала на заднем сиденье. Но что-то странное привлекло его внимание. В темноте ночи он заметил слабое свечение, идущее от неё, как от экрана мерцающего телевизора.

Поверхность картины пошла рябью. Это было так неожиданно, что Ор опешил!

В следующее же мгновение он увидел прежний туманный и тусклый английский пейзаж. Уже ничто не напоминало о странном видении. Но оставалось ощущение, что это мерцание было дружелюбным и поддерживающим дух. Нечто вроде «Не дрейфь! Я с тобой!»

Он снова позвонил Кошке:

– Слышишь? Я вот почему звоню. Эта картина... ну да, сегодняшняя. Давай подождём проверять её с образцами, химикатами и прочее. Мне кажется, она какая-то живая, что ли... Нет, не смейся, я не переохладился и не переволновался. Я в порядке. Кучи? Сидит от неё поодаль, как он всегда сидит, когда ревнует к тебе. Вжался в дверь машины. Да и ворон мой «держит дистанцию». Ну всё. Пока. Поговорим дома.

Работа была завершена. Ор легко запрыгнул в машину. Протянул в окно угощение для ворона. Тот деликатно взял его с руки.

Кучи уже сидел рядом с водителем на своей подстилке, заботливо положенной хозяином на сиденье, всё ещё дрожа всем телом. Тусклая, обезличенная картина на заднем сиденье не отсвечивала даже медью с прозеленью.

ГЛАВА 3. СЕКРЕТ

Зимы здесь тёплые, с редкими и радостными дождями, со штормами, которые внезапно моют всю страну от гор до побережья и выдувают сильным средиземноморским ветром всю пыль, которую дома и улицы накопили долгим жарким летом.

Но для тех, кто в такие дождливые ночи выкатывает мусорные бачки на проезжую часть дороги, стараясь успеть проделать эту нехитрую, но трудную работу к приходу мусоровоза, весёлого в таких ночах мало.

Рентген, промокший насквозь, несмотря на специальную одежду: дождевик, комбинезон, сапоги и непромокаемые перчатки, – уже заканчивал работу на доверенных ему улицах, когда что-то, движущееся как кошка по отвесной стене дома, привлекло его внимание.

«Форточник! – подумал Рентген. – Позвонить, что ли, в полицию либо соблюдать негласное правило выживания в ночном городе: один пишем, два в уме. То есть звони в полицию по мере необходимости, и тогда тебя не тронут власть предержащие этого большого ночного злачного мира».

Вор был знако́м муниципальному работнику. Росточком маленький, с ребёнка, с острой крысиной мордочкой и четырёхпалой правой рукой. Рассказывали, что в раннем детстве его, украденного в неизвестно какой стране, переправили в горное село в румынских Карпатах, где обучали профессиональных карманников. Профессионал с удалённой фалангой большого пальца правой руки очень ценился на воровском криминальном рынке труда. Легко просовывая руку в карманы зазевавшихся граждан, вор успел примелькаться в этой удобной для жизни и тёплой стране. Уезжать не хотелось и пришлось сменить направление деятельности – переквалифицироваться в форточники.

– Алло, не спишь? Да нет, всё в порядке. Просто смотрю, как грабят ту вредную старуху, которой я на прошлой неделе

возвращал кошелёк. Помнишь? Ну да, вместо благодарности чуть не позвонила в полицию! Нет, не буду звонить. Ворюшка уж очень интересный: ползёт по стене как паук! И в окно шмыгнул неслышно, как кошка. Да, скоро заканчиваю. Льёт как из ведра! Кое-что нашёл. Не скажу! – Он улыбнулся, представляя, какой сюрприз приготовил жене.

Сегодня чутьё не подвело Рентгена, и под целлофановыми пакетами с мусором он вдруг интуитивно нащупал тяжёленький женский клатч. А когда открыл – опешил! Двенадцать (!) золотых колец с бриллиантами сверкали в тусклом луче уличного фонаря.

За долгую работу мусорщиком он и не такое видел! Но двенадцать колец, собранных в одном месте, впечатлили даже его. Теперь нужно отложить их куда-нибудь в один из многочисленных тайников и выдержать находку там больше полугода. Если не будет заявления в полицию – кольца его.

Если же кто-то выбросил их по ошибке, а не в припадке злости на мужа или любовника, Рентген вернёт их и получит вознаграждение и повышение по службе.

Впрочем, причины, по которым кольца лежали в его машине, затаившись на полгода, занимали его мало.

Больше всего в такие вот пустынные ночи на дождливых улицах ему думалось о тех горах мусора, которые он собрал за долгие годы и освободил от них город. Горы мусора, тонны и тонны мусора, десятки, сотни тонн! Недалеко от мегаполиса была городская свалка с мусороперерабатывающим заводом, где, как он любил шутить, была и его часть бизнеса.

Звонок от жены. Только бы не проговориться о находке!

– Да, закончил. Вор? Не знаю. Я уже по дороге домой! Промок до нитки. Сегодня? Да, сегодня напишем секрет на следующих три года, а то и лет пять. Договорились!

Его временами наивная, а временами очень разумная и деятельная жена рассмеялась в трубку.

У них были свои секреты. Как-то раз случайно они посетили курсы по личностному росту, такую психологическую мастерскую, которых много нынче развелось в нашем сумасшедшем мире. Там они и взяли на вооружение одну интересную идею.

Положим, ты очень желаешь чего-то, практически невозможного. Но ты этого хочешь, и всё тут! Хочешь до дрожи, до трепыхания бабочек в животе! А для осуществления этого жгучего желания-достижения у тебя нет ни средств, ни возможностей...

Тогда ты просто записываешь его на бумагу и носишь его с собой. И, о чудо! Проходит время, как правило, намного меньшее, чем ты написал в своём секрете, и ты чувствуешь, что твоё пожелание начинает исполняться!

Сегодня Рентген и Кошка собрались переписать свой секрет. Вчера, когда картина, а Кошка почему-то уверена, что это Тёрнер, оказалась дома, они решили переписать пожелания.

А что если возжелать частную картинную галерею? А картину пока временно поместить в спальне, чтобы глядеть на неё почаще и заставлять судьбу «работать на успех»?

Обоим показалось, что картина заиграла цветами ярче и была довольна принятым решением.

ГЛАВА 4. БЛОШИНЫЙ РЫНОК

Все находки, которые доставались Ору по судьбе, то есть в процессе работы мусорщиком в муниципалитете, он делил на несколько категорий.

Были среди находок полезные для дома вещи: новёхонькие постельные принадлежности, полотенца, наборы кастрюль или даже целые сервизы, упакованные в фирменную тару и, как правило, не засунутые в бак с бытовыми отходами, а тихонечко приставленные к нему. Как приз для тех, кто резвее других: встал раненько, прошёлся по «мусорным» нишам вилл богачей, и вот он, улов удачного дня!

Такие находки случались часто и были почему-то произведены в других странах. На упаковках красовались штампы таможенного сбора. Ор фотографировал их и отправлял жене на телефон. Кошка говорила, что она думает по этому поводу: «Вези домой! Пригодится» или «На рынок. Продай это».

И Ор наполнял картонные ящики на заднем сиденье машины, приготовленные заранее в ожидании ежедневного «улова».

Бывало, что вещи уже побывали в употреблении: кухонные комбайны, миксеры, телевизоры, компьютеры и прочая техника. За всё это на местном блошином рынке можно было получить хорошие деньги.

Рынок открывался очень ранним утром, и Ор успевал закончить работу и заскочить туда, чтобы сторговаться с оптовиками и реализовать всё оптом.

– Доброе утро, Рентген! – приветствовала его толпа оптовиков и набрасывалась на содержимое его картонных контейнеров.

– Триста!

– Нет, даю больше – пятьсот!

– Тысяча – и я забираю всё! – находился кто-нибудь всегда.

И Ор, который пользовался на рынке славой «счастливчика», быстро освобождался от груза на продажу и выска-

кивал на большой скорости на скоростное шоссе, чтобы успеть добраться домой до утренних пробок.

Сегодня на заднем сиденье примостилось несколько картин, которым Кошка вынесет вердикт, и пара серебряных старинных кубков.

– Привет! – Глаза жены сияли навстречу.

Он ввалился домой весёлый и шумный. День был удивительно удачным. Сбросив с себя у порога всю рабочую одежду – Ор был человеком удивительно чистоплотным, – он прыгнул под горячий душ.

Вся одежда тут же оправилась в стирку.

А на кухне уже готовился сытный свежий завтрак.

Оба, Ор и его жена, безумно любили его возвращения домой! Они напоминали возвращения победителя с поля боя, триумфатора и были окрашены в яркие цвета добычи и финансового благополучия.

– Будем чистить серебро до зеркального блеска или продезинфицируем и сложим всё на склад? – спрашивал Ор, показывая свои находки.

Последнее слово было за Кошкой. Когда они поженились, Кошка сразу оценила, какой ей достался муж.

Здесь не обойтись простым делением обязанностей в совместном семейном быту.

– Я хочу пойти на курсы оценщиков антиквариата, – как-то спокойно и буднично произнесла она.

Он опешил. Как раньше такая мысль не пришла в его голову? Конечно же, все его находки из сарайчиков, набитых доверху в доме его родителей, обретут свою вторую жизнь!

Кошка училась на курсах и самозабвенно работала над содержимым накопившихся ящиков: рассортировывала, изучала, делала опись, заносила всё аккуратно в архив. Её дипломная работа так и называлась: «От мусорного бака – в галерею».

– Бог мой! Это невероятно! – кричал её преподаватель на курсе, когда оценил истинные размеры сказочных богатств,

спасённых Ором в последние минуты перед мусорным прессом муниципального самосвала.

– И это тоже оттуда? – Преподаватель любовно поглаживал рамку картины, срочно требующей реставрации, которую Ор нашёл под проливным дождём на прошлой неделе. – Музейная работа!

И Кошка отдавала на реставрацию, рылась в Интернете, восстанавливала авторство и историю музейных работ.

Позавтракав, нахохотавшись над рассказами Ора, набросавшись подушками и побегав по комнатам, как они всегда дурачились, Ор и Кошка уселись чинно друг против друга, положив перед собой чистый лист бумаги.

– Пиши: «Построить галерею для частного собрания картин».

– Сколько дадим сроку судьбе? – засмеялась Кошка. – Три года, пять лет?

– Пиши «три», – согласился Ор.

Деньги в семье были, но не такие, чтобы затеять строительство галереи. Пусть секрет поработает на них, как он работал до сих пор, давая Рентгену в руки то, что поддерживало их идеи: путешествия по миру, писательские амбиции Кошки, приобретение какой-то недвижимости...

– Пиши: «Отстроить галерею в каком-нибудь экзотическом месте, например, на горе, смотрящей прямо на вулкан Этна, с застеклённой стеной и сигнализацией для всех залов».

– Пусть это будет дизайнерский проект! – Они развлекались от всей души, смеясь и дурачась, записывали свои безумные планы на чистый лист бумаги.

В соседней комнате послышалось какое-то бормотание, и обоим почудилось свечение, как от невыключенного телевизора. Это привлекло их внимание. Оба глянули друг на друга.

– Ты включала телевизор?

– Нет. А ты?

– Я тоже ещё не успел.

Осторожно, на цыпочках они приблизились к проёму двери, ведущему в спальню. Вчерашняя картина, их Тёрнер, висела на стене рядом с кроватью, как и было решено: «на счастье».

– Пусть она будет нашим талисманом! – так и сказала вчера Кошка.

По поверхности пейзажа шли светящиеся волны, как по гладкой поверхности озера... Им обоим показалось, что в одно мгновение якобы появилось слово Turner, а затем пропало, как умолкнул и шум, напоминавший довольное бормотание. Экран-картина погас.

Кошка и Ор, ничего не понимающие, огорошенные, стояли в дверях спальни и смотрели на тёмный пейзаж, который только что вёл себя как живое существо. Кстати сказать, как член семьи, поскольку ни его бормотание, ни мягкий свет его экрана не казались инородными, вызывающими или агрессивными... Как член семьи.

В руках у Кошки подрагивал секрет – белый лист бумаги, на котором было записано их новое пожелание.

ГЛАВА 5. ДЕНЬГИ РЕКОЙ

Деньги потекли рекой. То, чем они сейчас занимались, было достаточно опасным делом. Недели две назад Ор вдруг очнулся от беспокойного сна.

– Знаешь, что мне пришло в голову? Мы должны освободить все сарайчики во дворе у мамы. Там такое творится! Невозможно зайти: ящики на ящиках! Или мы этим займёмся, или мыши погрызут, – улыбнулся он.

Всё, что не продавалось сразу же на блошином рынке, тут же сплавлялось в сарайчики материнского дома.

«Когда-нибудь, в лучшие времена, я займусь этим...» – думал Ор.

А тем временем сарайчики разрастались и занимали уже весь участок. Ему было проще сколотить их, чем начинать работу по сортировке найденных вещей и их продаже.

Видимо, лучшие времена наступали сейчас. Кошка принялась за дело энергично и с настроением. Она всегда так: если есть задача, нужно её решать незамедлительно! Начинали с пяти ящиков в день, которые умещались в машину за одну ходку. Потом Ор привозил уже по десять за две ходки.

Работа поначалу казалась бессмысленной: перекладывание из одного места в другое. Но для Ора и Кошки работа эта была полна сакрального смысла и таинства. В одни ящики клалось то, что тут же отправлялось на рынок и продавалось немедленно оптовикам. В другие – то, что не пользовалось мгновенным спросом и поэтому в обозримом будущем составляло содержимое нескольких грузовых машин, которые отправятся через границу в страну победнее: там всё раскупят в мгновение ока! И, наконец, были маленькие заветные ящики для их будущей галереи, куда отправлялись пропущенные ранее предметы, представляющие определённую художественную ценность.

– Когда встречаемся с ними? – Кошка оторвалась от работы, которая поглощала её всю.

Вокруг по всему салону стояли ящики. Полные, ещё не разобранные, наполовину наполненные всякой всячиной на продажу, почти пустые с действительно ценными вещами.

– Я не знаю точно, где и когда. Мне должны сообщить, – сказал Ор и непроизвольно поёжился. – Может, я сам поеду?

Он не мог представить себе свою нежную, наивную жену рядом с контрабандистами, переправляющими их товар через погранпосты по одним им ведомым каналам.

Это была уже вторая машина, которую они сбывали контрабандистам. За первую они получили очень хорошие деньги! Правда, их долго водили по лабиринтам старого города, даже обыскивали на всякий случай, нет ли записывающих устройств для полиции. Всё обошлось.

– Привет! Здесь всё, как договаривались! – Неопрятный старик стоял в двери явно нежилого дома и протягивал солидную пачку валюты.

Заметив, что Кошка брезгливо сморщила носик от запахов экскрементов, доносившихся из заброшенной квартиры, ухмыльнулся:

– Бери и уматывай! Деньги не пахнут. – И захлопнул дверь.

Кошка и слушать не хотела, чтобы отпустить Рентгена одного:

– Только вместе! Мало ли...

Машина, в которую они загружали товар, стояла на заброшенном стадионе, рядом с такими же машинами, ничем не отличаясь от них ни по виду, ни по характеру действий около неё.

Они привозили товар. Грузчик, по которому нельзя было сказать, что он принадлежит к мафии, принимал товар, закрывал капот и коротко спрашивал:

– Есть ещё?

– Да. Завтра ещё двадцать ящиков.

– Хорошо. Значит, отправляю завтра. Инструкции получишь по телефону.

Хрипловатый голос в трубке с едва заметным иностранным акцентом сказал:

– В восемь вечера на том же месте. – Связь оборвалась.

«Я возьму пистолет», – решил Ор.

– Не вздумай брать оружие! – как будто бы прочитав его мысли, шепнула Кошка. – Могут быть неприятности. Нас могут обыскать. Господи, скорей бы это всё закончилось! – почти всхлипнула она.

Оставалось ещё много. За каждую машину они получали по несколько тысяч долларов. Денег в доме становилось всё больше. Пора было подумать о сейфе.

И этим вечером всё прошло гладко. Они сидели в назначенном месте: маленьком восточном ресторанчике в развалинах иезуитской церкви. Подошёл официант за расчётом и положил на столик кожаные корочки, которые обычно приносят с суммарной квитанцией. Внутри вместо квитанции лежало несколько долларовых купюр большого достоинства. Мафия работала безупречно! Пограничные переходы были схвачены ею намертво.

Надо отметить, что по мере появления в доме больших денег всё стало спориться в руках и планах супругов. Они уже не пугались святащегося портала в своей спальне. Было заметно, как он радуется вместе с ними очередному поступлению финансов в большой сейф, встроенный в стену.

Знакомый подрядчик строительных работ и квартирных ремонтов обещал прислать специалиста по установке сейфов, человека надёжного и неболтливоего. Выступ в стене был завуалирован под тумбу для телевизора. Сейф установлен. Деньги вливались в него постоянно. Мрачный и туманный пейзаж староанглийской школы весело мерцал и покрывался весёлой рябью каждый раз после удачной продажи.

В стране начинался бурный рост ценных бумаг на бирже и цен на недвижимость. И те скромные вложения, которые были у супругов, выросли на сотни процентов!

– Давай закажем проект галереи, – сказала Кошка однажды под вечер, когда Ор, выспавшись за день, готовился уйти на работу. – Я тут прикинула, для начала деньги есть. А потом – с Божьей помощью... – и странно посмотрела на картину Тёрнера.

Они отчётливо слышали бормотание и вздох облегчения, которые донеслись оттуда, из их спальни.

– Йес! – закричал радостно Ор. Он хочет галерею!

И Кошка засмеялась радостно и утвердительно. Оба понимали, что их уже трое в одной связке: он, она и Тёрнер. Был, правда, ещё и пинчер Кучи, но он пока пользовался скромной ролью соглядатая, немного сторонясь Тёрнера, возможно, немного ревнуя. Ведь раньше он был центром внимания и нежности в этом доме. А теперь... его хозяева целыми днями бросают тайные взгляды на картину, ища одобрения своим действиям или, напротив, порицания. Она, эта картина, становится средоточием их стремлений и мечтаний.

Она стала их секретом, который ни Кучи, ни старый ворон не могли уразуметь. А деньги тем временем текли рекой.

ГЛАВА 6. НЕВИДИМЫЕ МИРУ МИЛЛИАРДЫ

У этого дома с ним всегда случались невероятные вещи! Взять, к примеру, двенадцать колец с бриллиантами, найденных здесь в мусорном баке два года назад. За этими кольцами так никто и не обратился в полицию. И кольца, прождав положенных полгода в тайнике, преспокойненько перекочевали в шкатулку его жены. Бог мой, как же она была рада!

– Никогда у меня не было такой красоты! – почти рыдала Кошка от счастья.

А потом эта картина...

Ор выкатил мусорные бачки, принадлежащие странной вилле, к проезжей части дороги.

– Хозяйка, не вы ли обронили документы? – Стоял он год назад перед входной дверью, пытаясь «срубить» стодолларовую купюру, как было принято, когда возвращают владельцу найденный кошелек с документами и кредитными картами.

Он нашёл его прямо у двери, ведущей в закут, где стояли баки. Дорогая кожа портмоне отражала свет придорожного фонаря.

– Хозяюшка! – Позвонил он ещё раз.

Почему Ор был уверен, что откроет женщина? Ну, наверное, потому что именно здесь были найдены те бриллиантовые кольца.

За дверью послышалось старческое шарканье, через мгновение входная дверь распахнулась, и он увидел отвратительную старуху лет ста. Почему отвратительную? Потому что она орала на него как резаная:

– Кто ты такой? Как ты проник сюда?

Ор пытался вразумительно объяснить, что у него есть ключи от садовой калитки, что он – работник муниципальных служб по уборке улиц и что ничего предосудительного в том, что он хочет вернуть хозяйке потерянные при каких-то

обстоятельствах документы, нет. Разумеется, за какое-то небольшое вознаграждение.

– Убирайся отсюда, пока я не заявила на тебя в полицию! – верещала старая карга, презрительно кривя ярко накрашенный огромный рот, в котором дорогие керамические имплантаты казались инородным телом.

Он поспешно ретировался.

«Неприятности мне ни к чему. И чего разоралась?» – думал Ор и, заметив своего друга-ворона, обратился к нему с вопросом:

– Нет, ты такое видел? Хотел хорошее дело сделать, а она орёт. Ну ничего, отнесу в полицию.

Ворон сидел на ограде дома и качал головой в такт покачиванию деревьев в саду странного дома.

Рентгену и в голову бы не пришло вспоминать об этой истории, если бы его внимание не привлёк странный целлофановый пакет на самом верху под крышкой бака.

– Ну, что за очередной сюрприз? – охотничий инстинкт Ора обострился, и он понял, что пакет чем-то притягивает его, как всегда бывало перед очередной значительной находкой.

– Как ты это находишь? – спрашивали его менее удачливые соратники на блошином рынке. – Ты и вправду Рентген!

Ор в таких случаях улыбался, довольный своей славой, но внятно объяснить – как, пожалуй, не смог бы и себе самому. Чувствовал, и всё тут!

Всё это в одно мгновение пронеслось у него в голове, когда он вытаскивал пакет из бачка.

– Ничего себе! Что это? – слабо вскрикнул Ор.

В слабом ночном освещении он увидел большое количество обработанных сверкающих камней, по виду бриллиантов.

– Слушай, – уже через минуту он звонил Кошке, – я хоть и не спец, ты лучше в этом разбираешься, но я, по-моему, кое-что такое нашёл...

Отрегулировал смартфон на вспышку, сфотографировал несколько раз, отослал фотографии.

– Ну, что скажешь? Я так и знал, что это бриллианты! А ты откуда знаешь?

– Форма называется «Маркиза»! Так обрабатывают только очень качественные самородки с высокой степенью чистоты и редкой цветностью! – взволнованно говорила жена на том конце. – Сколько их там? Целый пакет? Господи, да это же Тёрнер нам преподнёс на свою галерею!

– Что ты говоришь? – сначала не понял Ор. Ты имеешь в виду картину?

– Да нет же, нет, – сбивчиво объясняла Кошка, – я всё время думаю об этом! С тех пор как мы написали новый секрет, а ты принёс домой Тёрнера, вся наша жизнь перевернулась! Он управляет нами, понимаешь? Он управляет нами для своих целей! – Кто он?

– Картина, Тёрнер, секрет, вот кто!

Руки Ора, державшие пакет, дрожали...

В памяти возникло лицо Тёрнера со старинного портрета, который они отыскиали в «Википедии», когда пытались найти среди каталогов галерей свой пейзаж. Он поразительно напоминал лицо старухи из проёма двери.

– Мы попали в поле его действия, в его мистический портал. Он управляет нами посредством нашего желания, секрета.

– Ну, может быть... – протянул Ор. – А что плохого в куче денег? Помнишь, как нас учили на курсах? Главное – желание и цель. Все остальные средства приходят сами, включая деньги. Деньги – это средство достижения. Миллионы долларов, миллиарды бродят по миру в поисках цели! Помнишь?

Ворон шумно взмахнул крыльями и взлетел с капота машины. Пинчер Кучи смотрел на хозяина преданными, выпуклыми, детскими глазами. Бриллианты блестели в свете фонаря. Невидимые миру миллиарды бродили по ночным улицам «весёлого» города.

ГЛАВА 7. СТРОИТЕЛЬСТВО ГАЛЕРЕИ

Проект для строительства галереи был заказан несколько месяцев тому назад одной молодой и очень творческой даме по имени Рут. Обратились супруги к ней неслучайно.

Однажды, пересекая полупустыню с однотонными рыжими и чёрными «марсианскими» пейзажами, они вдруг с удивлением увидели просто фантастический оазис на середине пути! Среди пальм и искусственных озёр с живописными водопадами возвышались частные виллы удивительной красоты.

И суть этой красоты заключалась не только и не столько в безупречной архитектуре деревни, но и в тех простоте и изяществе, с какими изысканные виллы оазиса вписывались в монотонный, невыразительный пейзаж.

Ещё тогда в голове Кошки промелькнуло: «Если нам когда-либо придётся прибегнуть к услугам архитектора, я знаю, где его искать».

Когда часть найденных в целлофановом пакете бриллиантов после положенного ожидания в полгода, в течение которого никто их не хватился, была реализована, пришло время заказывать проект под строительство галереи.

– Понимаешь, – Кошка сидит напротив Рут в небольшом ресторанчике, – эта галерея задумана будто бы вырастающая из каменистой почвы. Цвета серо-бежевые. Пространство вокруг организуется с помощью арок и балконов. Окна узкие, тоже арочные, испанские.

Участок под строительство они приобрели за чертой туристического комплекса очень недорого. На участок был объявлен тендер. Несколько членов комиссии сидели за столом, внимательным взглядом изучая Кошку и Ора.

«Странная пара! – думалось каждому из этих членов комиссии, принимающих решение. – Он небольшого роста, живой, щуплый. Работник муниципалитета по уборке

улиц. Образование среднее специальное. Она большая, высокая, яркая, кандидат наук. Странная пара».

Ор и Кошка давно привыкли к тому, что они выпадают из привычного визуального ряда.

«Странные люди, – думали они, – вы не учитываете, что нас связывает любовь. Лучше, чем любой физиологический фактор подходимости (соответствия, совместимости)».

– Ну-с, мы вас внимательно слушаем, – сказал тогда председатель комиссии. – Что хотите строить?

Кошка бросилась вперёд, в атаку, как она всегда делала, когда нужно было оградить Ора от «высоколобых».

– Мы задумали строительство частной картинной галереи, – выпалила она, – чтобы отдыхающие в турцентре могли её посещать, прогулявшись по тенистой аллее с фонтанчиками в жаркий день. А кроме того, я сейчас получила права лётчика на двухмоторный самолёт. Самолёт мы собираем из комплекта, купленного за рубежом, на одном заводе с соответствующим сертификатом. Земли на участке много, метраж позволяет построить небольшую взлётную полосу и ангар. Я смогу катать желающих над пустыней.

У комиссии слов для возражений не нашлось. Все с уважением разглядывали новоявленную лётчицу.

Ор и Кошка вышли в коридор, где ждали своей очереди соперники по тендеру. Шансов у соперников уже не было.

– Видишь, всё получается! – кричал Ор от радости по дороге домой.

– Конечно, с таким помощником... – протянула Кошка и замолчала.

Оформление бумаг на участок не заняло много времени, и вскоре они назначили встречу с Рут в этом ресторанчике, где и сидели сейчас перед ней с бумагами и топографической картой.

– Ты должна знать кое-что важное. – Кошка поглядела долгим взглядом в глаза Рут. – У нас есть одна особая карти-

на, которая... – Кошка замялась, – ну, не совсем обычная, что ли. Ей требуется отдельный зал в тёмно-коричневых тонах и не нужно никакого освещения. Картина освещает себя сама, когда захочет.

Рут внимательно слушала.

– Этот зал, в отличие от других, должен быть без окон. Можно добавить зелёного цвета. Картина любит зелёный и беж.

Рут от удивления приоткрыла рот:

– Откуда ты знаешь, что любит картина?

– Мы с ней разговариваем, – просто ответила Кошка.

На их счастье, Рут оказалась удивительно стоворчивой, покладистой и интеллигентной девушкой и больше вопросов, кроме чисто технических, не задавала.

– Мне потребуется три месяца на проект, – сказала она в конце встречи, свернула бумаги, уселась в маленькую красную машинку гоночного класса и укатила.

В тот же вечер Ор и Кошка договорились, что Ор полетит с Кошкой завтра первый раз в пробный полёт, на что раньше уговорить его не получалось.

Через три с небольшим месяца они встретились в том же ресторанчике снова. То же восхитительное севиче из океанских рыб, суп в морской раковине, бутылочка запотевшего «божоле».

Проект получился восхитительным! Особенно удачной оказалась галерея-лабиринт для Тёрнера в очень тёмных тонах, почти чёрных, с небольшими зелёными и бежевыми нишами, очень напоминающая ту, мистическую, галерею в музее Кафки в Праге, в которую они забрели однажды проездом в Моравский Крас.

– Я составила список того, что понадобится купить: металл, цемент, стеклокерамику, сантехнику, окна и двери. Хотите покупать сами? Или я закажу в посреднической фирме? Так получится дороже, но я понимаю, что с финансовой стороны у нас проблем нет, – улыбнулась Рут.

– Нет, – погрустнела Кошка, – наш Тёрнер – так зовут картину – хочет, чтобы мы поплотнее участвовали в строительстве и закупали материалы сами.

Рут только развела руками.

Ор сказал:

– Нужно лететь в Китай для оптовых закупок, я уже и отпуск взял.

Через неделю они вылетали в Китай.

ГЛАВА 8. В КИТАЕ

Десять дней в Китае пролетели как один весёлый разноцветный сон! Была ранняя весна, и холод не давал распусться цветам на клумбах и листьям на деревьях, хотя и те и другие уже, казалось, были готовы к этому замечательному событию.

В северных провинциях, где в основном и кружили наши герои, было оптовых складов и рынков строительных материалов существенно меньше, чем в южных, но и цены здесь были более умеренными и «демократичными», как любила приговаривать Рут.

Какое счастье, что у Рут имелись в Китае деловые партнёры и переводчики, иначе Ору и Кошке не было бы никакой возможности сделать то, что они проделывали ежедневно: утром после очень приятного и совсем не «европейского» завтрака, подзарядившись большой чашкой крепкого кофе, они направлялись на охоту.

Охота эта оказалась увлекательнейшим занятием, хотя и немного суетливым. Пока Рут с помощью переводчика выбирала очередной товар из длинного списка необходимых для строительства вещей, супруги с изумлением рассматривали тысячи, нет, миллионы наименований одной и той же продукции! Краны для ванной, например, раскинули свои стеллажи на десятки километров на тысячах и тысячах стендов, между которыми наши герои пробирались на небольших электрокарах.

Если бы не профессиональная помощь сопровождающего и не советы специальных продавцов – джунгли, да и только!

Иногда Рут обращалась с каким-нибудь вопросом:

– Что вам больше по душе: это или то?

Выбирать было немислимо трудно! Каждая вещь из огромных списков Рут хотела быть выбранной, подмигива-

ла им с полок, показывала все свои преимущества, играла разными оттенками.

– Вот это! – в конце концов тыкала пальцем Кошка почти в полной прострации в какой-нибудь медно-никелевый, под старину смеситель для ванной или в парящий в воздухе туалет нового поколения с дигитальным управлением. Гулять так гулять!

Выбор алюминиевого или стального профиля был целиком за Рут: она больше них разбиралась в особенностях агрессивного климата полупустыни, где этим элементам конструкции предстояло работать.

Темп блужданий по многоэтажным или, наоборот, приземистым складам был настолько велик, а день настолько насыщен, что вечер падал на них внезапно и был как праздник!

– Два «мохито» и «дайкири»! – заказывал Ор их любимые напитки со времени пребывания на Кубе. Боже, как давно это было! В другой жизни. На счастье, среди множества блюд китайской кухни находилось и что-то приемлемое для желудка: супчик с курятиной или яичница из перепелиных яиц.

Однажды, забежав (заскочив) в какую-то маленькую забегаловку при скоростном шоссе, они попали в смешную ситуацию! Объяснялись на английском, но официант их не понимал. Рут и переводчик задерживались в машине, обсуждая планы следующего дня. Кошка хотела чашку горячего чая, просто чая. Официант не понимал по-английски.

– Ну пожалуйста, это же не сложно! – она показывала, что хочет пить из чашки что-то горячее, обжигающее, коричневого цвета.

Официант глядел с недоумением и изумлением.

– Хорошо, хорошо! – вдруг закивал он. – Я понял! – и почти бегом припустил на кухню.

К тому моменту, когда Рут и переводчик показались в дверях, он уже нёс, широко улыбаясь, в руках чашку с дымящейся кока-колой!

Они хохотали до слёз! Оказывается, чтобы выпить чашку чая, нужно было перейти в соседний зальчик, где подавали чай со всеми полагающимися прибабасами.

Но дни пребывания в экзотическом и таком суперсовременном Китае таяли один за другим, список необходимого для строительства тоже сокращался. Посредники готовили к отправке контейнеры с цементом, песком, лесом, железом и алюминием и разной другой всячиной.

Даже декоративные камни для сада, которых полным-полно в полупустыне, выбирались здесь!

– Рут, объясни мне, – вопрошала Кошка, – ну а камни-то зачем везти из Китая?

– Видишь ли, – улыбалась Рут, – ты захочешь обтесать камень, что лежит у тебя прямо перед участком, пригласишь мастера, расскажешь, что именно хочешь, и заплатишь ему ту же сумму, которую мы здесь платим за целый контейнер таких, но уже облагороженных камней!

– Жаль, что Тёрнер здесь не с нами! – почему-то иногда думалось Кошке. – Как бы ему понравилась вся эта заварушка в честь его амбиций!

А Ор просто блаженствовал во всей этой фантастической и вместе с тем практической ситуации! В его мозгу не укладывалось, что все эти кучи товаров в конечном счёте сложатся, как «лего», в прекрасную виллу с галереей, которую хочет их картина.

Да он и не заморачивался особенно: делаем всё, как хочет Кошка! И точка. Сверху в этой иерархии стоял Тёрнер. Значит, делаем всё, как он хочет. Наступал день отъезда. Они ужинали на террасе одного из столичных ресторанов. «Утка по-пекински» с хрустящей, поджаренной корочкой, салат из неведомых, но съедобных овощей, несколько рюмок «текилы» – единственного знакомого напитка из винной карты.

Разговор получался тихим и доверительным.

– Ты говорила, что общаешься с картиной. А на каком языке? – спросила Рут.

– Не знаю, – протянула Кошка. Общаюсь, и всё. Я понимаю всё, что для меня предназначено.

– Как это: предназначено?

– Ну, кое-что должна делать я, а кое-что касается Ора. И он тоже понимает. Ну, например, я хотела сделать экспертизу на подлинность. А Тёрнер обиделся. И запретил. Он сказал, что я не должна сомневаться в том, настоящий ли он. Это оскорбительно. Кроме того, он сказал, что экспертизу заказывают в случае продажи. А он не собирается продаваться. Он пришёл к нам потому, что мы его ждали и звали, и покидать нас не собирается.

Рут сидела напротив и ловила каждое слово Кошки.

– А мне Тёрнер сказал, чтобы я готовился к экстремальным ситуациям, – вдруг заговорил Ор.

– Ты мне не говорил, – обиделась Кошка.

– Не хотел тебя пугать! – Ор ласково положил руку на плечо жены. – Но это ещё не скоро, так он сказал. Сначала – построить галерею. А дальше видно будет. – Рут смотрела во все глаза.

– А когда я увижу картину?

– Когда вилла с галереей будут построены, все картины и вещи придут в соответствие с его планами, он даст отмашку: «Открывай двери для посетителей!»

– Да не заморачивайся ты так! – Ор успокаивал Рут, видя, как она разволновалась. Мы-то уже привыкли ко всей этой чертовщине, а ты – нет. Знаешь, как говорят: кто платит, тот и заказывает музыку... А он (или она, картина), короче, Тёрнер, платит щедро. Никогда у нас не было столько финансов! Хватает на все наши самые смелые планы и ещё остаётся! – засмеялся Ор.

Вечер близился к концу. Назавтра они вылетали домой. Назад. К Тёрнеру.

ГЛАВА 9. НЕМНОГО О МАФИИ

Каждая страна любит своих героев. Страна Ора и Кошки любила своих миллионеров. Посудите сами: заработать большие деньги на небольшом по размеру кусочке суши, среди миллионов других предприимчивых людей, настроенных на бизнес, весьма непросто. Ор всегда был середнячком по своим финансовым параметрам. Ни Рокфеллера-папы, ни мощной денежной поддержки родных он и Кошка не имели. Поэтому всё, что происходило с их финансами в последнее время, было необъяснимо, загадочно и притягивало внимание. В том числе и мафии, которая была настоящим хозяином Большого Города и страны.

В тот день Ор пришёл домой чернее тучи.

– Что случилось? – заподозрив неладное, Кошка вскинула на мужа свои большие серые глаза.

– Да так, ничего особенного. – Как любой самодостаточный мужчина, Рентген предпочитал решать свои проблемы самостоятельно.

Но от его жены не укрылись ни необычная задумчивость, так не свойственная мужу, ни отсутствующее выражение лица. А ведь они так любили эти утренние часы, когда с работой уже покончено, а впереди – целый чудесный день вдвоём!

В такие минуты они обычно дурачились, смеялись, гонялись друг за другом по комнатам, бросаясь подушками. И Ор в лицах рассказывал свои ночные приключения, которым позавидовал бы даже писатель-фантаст!

Сегодня же всё было иначе. Кошка ждала, когда же он наконец примет душ, позавтракает и они усядутся рядом в салоне, держась за руки, – поговорить, выстроить планы на день, обсудить новости. Эта привычка выработалась у них годами, и, казалось, ничто на свете не может её изменить.

– Я что-то устал сегодня, – сказал Ор устало, – пойду, отдохну.

– Да что же случилось? – Кошка не могла видеть мужа в таком угнетённом состоянии.

– Понимаешь, у меня забирают мой участок, а самого переводят на другой, в другом районе. А как же мои вороны, вся другая живность? Столько лет... – Ор чуть не плакал.

Они беседовали в спальне. Ор прилёг на кровать, а Кошка примостилась на краешке и, сидя рядом, гладила руку мужа. Картина висела напротив. По её полотну, как по экрану испорченного телевизора, шли тёмные волны.

– А почему? Ты спросил начальство?

Ор саркастически улыбнулся.

– Начальство сделает так, как скажут эти... – он закатил глаза кверху. – Кому-то из них показалось, что на моём участке бриллиантовая жила... – он прервал себя.

Глаза заблестели от внезапной догадки:

– А ведь и вправду у нас с тобой последнее время бриллианты просто плывут в руки! А, это твои штучки? – Ор посмотрел на Тёрнера. – Тогда неважно, если я отдам свой участок: везение перекочет со мною вместе. Жалко только ворон, кошек и собак.

Картина засветилась (залучилась) голубоватым светом, и на экране появились едва читаемые слова: «Не волнуйся. Всё обойдётся. Я контролирую ситуацию».

– Знаешь что? – Кошка соскочила с кровати. – Едем в мэрию! Сейчас же!

Ор непонимающе уставился на жену:

– Зачем? Что нам там делать?

Скромный малый Ор не мог даже представить себе, как можно зайти при свете дня в высокие кабинеты мэрии. Что он там скажет? И как вообще можно там разговаривать с ними, с теми, кто никогда не появляется на ночных улицах?

Но Кошка была непреклонна:

– Едем, едем сейчас же! – И она подмигнула Тёрнеру.

Всю дорогу до здания муниципалитета Ор уговаривал жену бросить эту затею.

– Как ты себе это представляешь? – спрашивал он. – Кто нас пропустит в кабинет к хозяину города?

– Пропустят! – отвечала жена. – Ещё как пропустят!

Их и правда пропустили охранники на входе, да и пройти через «предбанник» секретарши не составило труда...

– Значит, ты думаешь, что если мой муж – скромнейший и честнейший человек, много лет работающий у тебя на уборке мусора, с тобою лично незнаком, то ты можешь лишать его приработанного места просто так, без объяснения причин? – накинулась Кошка на главу администрации города.

Тот смотрел на Кошку, не понимая, чего хочет от него эта разъярённая фурия. Ор тоже глядел во все глаза на жену.

– погоди, объясни по порядку. Присаживайся! – Они уселись напротив хозяина, через огромный стол.

Кошка немного снизила тон, и они заговорили друг с другом, как будто бы общались уже много лет на равных. Мэр уразумел ситуацию из обстоятельного рассказа Кошки. Особенно его поразил и рассмешил главный аргумент супругов – приручённые животные, в частности вороны, на рабочем месте Ора.

– Рентген, говоришь? – смеялся мэр. – Хотел бы я, чтобы и у меня был такой адвокат! – Мэр на прощание поцеловал руку Кошки и сунул в её кулачок записку с телефоном: – Позвоните по этому номеру и поговорите. Я думаю, что некоторая сумма разговору не помешает...

Ор никак не мог прийти в себя – он и представить себе не мог свою жену в таком состоянии, в котором видел её только что в кабинете мэра. Чудеса, да и только!

Они хохотали в машине по дороге домой и, перебивая друг друга, вновь и вновь проигрывали сцену в кабинете мэра в лицах.

– А как ты ему: «Ты думаешь, что если он простой мусорщик, то и постоять за него некому?» Ну ты даёшь! А что это за телефон? – Они замолчали.

Решили тут же позвонить.

Глухой голос на другом конце спросил:

– Кто?

Ор ответил. Голос спросил, по какому вопросу. Ор кратко изложил суть дела.

– Вечером в ресторане в порту, – сказал голос. – Будешь один. Часов в семь.

Ор хотел спросить про деньги, «которые бы не помешали решению проблемы», но разговор на другом конце прервался.

Вечером Ор засобирался. Сунул в карман солидную сумму на всякий случай.

В ресторане было сумрачно и немногочисленно. К Ору подошёл распорядитель и провёл его в отдельную кабинку у самой эстрады, на которой одинокий пианист тихонько наигрывал дивертисмент.

За столом сидел угрюмый мужчина с затенённым шляпой лицом. Ор, конечно, догадывался, что встреча обещает быть как в фильмах про мафию. Но не настолько же! Он рассмеялся.

Мужчина удивлённо спросил:

– Что смешного?

– Ничего, простите, это я просто так, от волнения...

Они сидели и тихо говорили уже около часа. Официант накрыл стол и уже не раз приносил коктейли. Оба пили «мохито». Ор говорил. Неизвестный молча слушал.

Потом сказал:

– Я всё понял. Иди. Никто работу у тебя не заберёт. Ты хороший парень.

– А деньги? – спросил Ор и сунул руку в карман за «средством от неприятностей».

– Купи своей жене что-нибудь, – улыбнулся собеседник. – Забавные вы ребята.

Не успел Ор забраться в машину, как ему позвонили из мэрии, сказали, что всё в порядке, он выходит, как обычно, на «свои» улицы сегодня в ночь, «рокировка» отменяется.

Голос говорившего был другим, чем обычно. В голосе сквозили нотки уважения, не свойственные ему раньше.

Дома его ждала Кошка. Ор довольно улыбнулся и обнял жену:

– Всё хорошо. Даже денег не взял. Сказал купить тебе чего-нибудь.

Тёрнер сегодня был туманнее, чем обычно. Мафия правила городом.

ГЛАВА 10. БУРЯ

Бури в этих местах случаются по несколько раз в год. И бури, и ураганы. И даже небольшие смерчи. Сначала синоптики передают первые тревожные предупреждения. Затем тон предупреждений меняется соответственно тому, как развивается ситуация в верхних слоях атмосферы: тон сводок о погоде либо усиливается, либо ослабевает. Может даже сойти на нет.

На этот раз всё выглядело серьёзно. Было получено «чёрное» штормовое предупреждение. Рыбацкие лодки возвращались в порт, регулярные полёты из аэропортов превращались в проблематичные, береговая линия горбатилась горами песка, которые сооружались наскоро по самой кромке моря, чтобы снизить финансовый урон владельцев прибрежных ресторанчиков и кафе.

Да разве спасёт жалкая кучка песка от гигантских волн, которые обрушиваются на берег во время серьёзного шторма?

Не меньшей проблемой были и мгновенные потоки быстрой воды на дорогах страны. В одно мгновение небо могло покрыться чёрными тучами, налетавшими ниоткуда, начинался какой-то невыносимый ливень, и по дорогам бурлили настоящие бурные реки дождевой воды.

А ведь всего за минуту до этого дороги были как дороги, по которым мчались тысячи машин, и вот они уже сносят эти самые машины в кюветы в лучшем случае.

В такие минуты Кошка настолько боялась порывов ветра и его воя, что забиралась в самую дальнюю комнату, которая отличалась от остальных полуметровыми бетонными стенами, и, задравив стальной задвижкой окно, молилась про себя, чтобы буря поскорее закончилась и пощадила её дом. Хуже всего приходилось в такое время муниципальным работникам, которые оказывались снаружи в любую погоду, под дождевыми потоками воды и шквалистым ветром.

Ор, наверное, мог бы и переждать где-нибудь в подъезде, пока буря снизит свой накал, ведь никто из проверяющих не кажет носа наружу в такую погоду. Даже, скорее, наоборот, желательно не выкатывать наружу мусорные бачки, чтобы их не унесло ветром или водными потоками. Но Ор был так уж устроен. Нужно сделать работу – сделай её, хоть под штормовым ветром, хоть под потоками воды с небес!

Укрывшись в одном из подъездов, Ор достал телефон из-под нескольких слоёв дождевиков и плащей.

– Ну как ты, опять боишься ветра?

Кошка на том конце храбрилась. Но его-то не обманешь!

– Не выходи в салон. По рации передали, что свалило несколько подъёмных кранов в районе новостроек.

А напротив их салона как раз и высился один такой монстр на соседнем участке.

– Тут деревья с корнями вырывает! Но я очень осторожен, не бойся. Работаю перебежками, от дома к дому. Ну всё, не звони мне. Я сам буду звонить. Работы осталось примерно ещё на час.

В это самое время, как они закончили разговор, стены начало трясти от порывов ветра, как в фильме ужасов. «Солнечный» балкон пытался сорваться и улететь вместе с ветром, в салоне по стене в одном из углов полилась вода.

Кошка забыла о своих страхах и бросилась подставлять ведёрки, чтобы не залить соседей снизу. В ту же минуту зазвонили одновременно два телефона: мобильный и домашний.

– Алло! Нас заливают! – кричала в телефон одна их жильчиха, из той квартиры, что поближе к морю.

– Ветер срывает трис, я боюсь!

– Погоди, не волнуйся, – стараясь говорить спокойнее, дрожащим голосом увещевала Кошка. – Я всё понимаю. Ремонт за наш счёт.

Второй телефон не унимался. Звонили арендаторы из второй квартиры, которую они с Ором приобрели недавно, когда к ним поплыл денежный поток.

Всё то же: вода, ветер, с крыши сорвало бойлер.

– Да-да, всё в порядке – мы всё компенсируем! – устало сказала Кошка в телефон, опустилась на краешек дивана и заплакала от страха и бессилия перед бурей.

На следующий день Ор и Кошка поехали осмотреть ущерб, который нанесла буря их строительству. Ущерб (Урон) был необратим. Там, где ещё недавно высились горы стройматериалов, на земле валялись разбитые вдребезги керамические куски прежнего роскошества, бывшие недавно стёклами, плиткой и сантехникой. Всё это было привалено сверху выкорчеванными с корнями деревьями соседского сада. Оставался целым только невысокий фундамент, прочно вцепившийся в землю своими бетонными зубами. Печальная картина.

А дома предстоял серьёзный разговор с Тёрнером. У них накопилось к нему много вопросов: обязательно ли было помещать строящуюся обитель самого хозяина в эпицентр бури? Или вот ещё: как он себе представляет продолжение строительства – опять ехать в Китай или же закупать всё на местном дорогом рынке?

А деньги, нет – деньжищи! – где взять для покрытия ущерба? Страховка не покрое (возместит) и четверти затраченных средств.

– Ты по-прежнему настаиваешь на продолжении строительства галереи? – Они сидели на кровати, прямо напротив Тёрнера.

Картина никак не реагировала.

– Связываться с Рут? Заказывать рабочих не расчистку участка от завалов? Ну что ты молчишь? – вспылила Кошка. – Дай знак, покажи, что ты понимаешь ситуацию, оцениваешь её, наконец!

По картине прошла дрожь. На центральном поле полотна, как раз там, где в тумане висится замок, появилась надпись мелким шрифтом: «Я обдумываю альтернативные варианты» – и исчезла.

В ту ночь супруги никак не могли уснуть. У каждого в голове крутились мириады мыслей. И все они были связаны с тем, как это они позволили втянуть себя во всю эту авантюру с галереей, недвижимостью, финансами, банками и прочей ерундой?

Мысли Ора и Кошки были удивительно похожи по своей сути. Ведь ещё недавно их тихому счастью ничто, казалось, не угрожало: работа, дом, частые прогулки по прелестной стране – на природу, в тихие ресторанчики на берегу или в горы. В музеи, наконец, в чужие музеи и галереи, посмотреть, пройтись по залам, приобщиться... На кой чёрт сдалась им вся эта возня?

Говорят, что дети сами выбирают своих родителей. Что души детей точно знают, в какой семье появиться на свет. Тёрнер тоже выбрал себе дом и семью. Так всё это выглядело.

– Не спишь? – Ор нежно приобнял свою Кошку. – Давай перепишем свой секрет.

Кошка радостно рассмеялась.

– Я о том же подумала: назад, в тихую, спокойную жизнь!

Они ещё поулыбались в объятьях друг друга, счастливые принятым решением, и заснули.

Под утро их разбудил внезапный звонок.

Говорили по-английски:

– Рады сообщить, что ваша заявка на грант рассмотрена и наша организация выделяет вам средства на строительство галереи.

– Какая организация, какой грант? – Кошка спросонья ничего не могла понять.

– Это госпожа П.? Мы рассматриваем заявки на строительство и поддержку частных галерей под шедевры миро-

вого изобразительного искусства. У вас находится пейзаж Тёрнера, который висит над кроватью? Как вы себе это представляете: оставлять висеть над кроватью пейзаж великого Тёрнера? – Голос на том конце телефона (провода) начинал терять терпение и сорвался на истерический крик.

Ор натянул на себя одеяло по самые уши и вслушивался в разговор с испуганным выражением лица.

– Вот и мы утверждаем, что эту ситуацию нужно менять. И выделяем вам большие финансовые ресурсы под вашу картину. Зайдите в расчётный счёт в банке по Интернету – обнаружите там приятную, кругленькую сумму в долларах!

Короткие звуки обозначали конец разговора. Поступление с шестью нулями на расчётном счету означало конец мечтам о возврате в спокойную жизнь.

Картина на стене выглядела так, будто всё это её не касается, или делала вид.

ГЛАВА 11. ЛЮБОПЫТНЫЕ СОСЕДИ

Они никогда особенно с соседями не дружили. Опасное это дело. Ор и Кошка имели немного друзей в других городах и странах. Друзья их были выверены по жизни как часы. С ними можно было общаться раз в год или в несколько лет, не объясняя всех прошедших за это время событий.

– Привет! Ну как ты? Всё нормально?

И друг сразу включался в эту игру, делая вид, что разговаривал с вами вчера:

– Ага, всё окей.

Если было чем поделиться, излить душу – пожалуйста, выслушают. Нужно было просто услышать друга – ну вот же он: и голос его, и тепло общения.

Иногда они вдруг, спонтанно собравшись, улетали к друзьям погостить. Дальность не имела значения (бралась в расчет). Единственная вещь, что имела значение, – это желание увидеться. И заодно побродить по другим городам и странам, окунуться в атмосферу другого города (новых мест), вдохнуть воздух с запахами иной кухни и иной (незнакомых) флоры и фауны. Ненавязчиво, без особых обязательств приземлиться, пообщаться, улететь.

С соседями такое ненавязчивое общение (такая простая взаимосвязь) было невозможно (была невозможна) по определению: любопытство, подогреваемое южным темпераментом, сквозило в каждом вопросе и взгляде. Особенно с тех пор, как материальное положение и статус супругов изменились:

– Куда это вы опять? Надолго? Далеко? Может, оставите ключи, полить цветы на балконе? А как насчёт почты: забрать из ящика? А то мало ли...

Оставляя ключи кому бы то ни было, особенно теперь, когда в доме появилась картина, они желания не имели. Даже цветы на балконе включились в эти новые обстоятель-

ства жизни с пониманием: не засыхали, ловили влагу из воздуха, выживали как могли. А может, их Тёрнер и об этом заботился: посылал им какой-нибудь локальный дождик в полведра на балкон? Кто знает...

А ещё какие-то новые люди всё время появлялись на пороге их жилья с какими-то фантастическими предложениями: снизить налоги, помочь в переоформлении несуществующих кредитов под какой-то нереально низкий процент, оценить стоимость вещей в квартире на случай пожара и оформить на всё это страховой полис.

Сначала Ор смеялся над всем этим.

– Мне иногда кажется, – говорил он, – что Тёрнер играет с нами в какую-то игру, чтобы мы прочувствовали его присутствие.

Кошка же была осторожнее в суждениях:

– Он боится, просто опасается за нас и за себя, – обронила она однажды. – Он же не всемогущ. Есть вещи, которые могут причинить ему вред.

В этот момент в квартире вдруг погас свет и тут же вспыхнул снова. По поверхности картины пошла голубоватая туманная рябь, как всегда в те минуты, когда говорилось что-то дельное. Секундного отсутствия электричества хватило на то, чтобы вся электроника в доме разладилась: часы, телевизоры, телефоны нужно было наладить на (привести в) рабочий режим снова.

– Послушай, в следующий раз, когда захочешь высказаться, подмигни без отключения тока, договорились? – ворчал Ор, настраивая домашнюю технику.

По полю картины вновь пошла рябь, в знак согласия.

– С тобой можно иметь дело, – рассмеялись супруги.

После этого случая в квартире была установлена сигнализация с выводом тревожного звонка на оба телефона, которая оказалась очень чувствительной и иногда срабатывала без всякой видимой причины, просто от тени какой-нибудь

птички, залетевшей на балкон. Но с этим приходилось мириться, как и со страховкой, которую Тёрнер возжелал для себя: на случай стихийных бедствий, пожара, ограбления, войны, наконец.

Оценщик, присланный страховой компанией, достаточно быстро проделал свою работу, обойдя все комнаты и останавливаясь ненадолго перед предметами антиквариата, находками Ора. Перед Тёрнером он задержался дольше. Снял его со стены, крутил и вертел в руках, вглядывался в туманный тёмный пейзаж.

– Знаете ли вы... – начал он осторожно.

– Знаю, – оборвала его Кошка. – Это пейзаж великого английского живописца. Я в этом кое-что понимаю.

– Хотите, я проведу поиск последнего запасника, где зафиксирована эта картина?

– Нет, спасибо, я уже проделала это. – Кошка улыбнулась. – Вы пока проведите его по документам, как, предположительно, картину Тёрнера с недоказанной подлинностью.

Она взглянула на пейзаж. Всем своим видом он выказывал презрение к их разговору: на высокой башне в туманной дали на миг показалось какое-то видение, туманно напоминающее фигу. Хорошо ещё, что это послание было предназначено ей. Оценщик ничего не заметил.

– Да, но я буду обязан доложить, что в частной коллекции находится...

– Докладывайте! – улыбнулась (среагировала) Кошка. – Мы как раз собираемся улететь в Европу в поисках следа из музея одного собрания картин...

– Если докажете подлинность, придётся платить большие страховые суммы.

– Разумеется.

Дверь за оценщиком закрылась.

– Куда это ты надумала лететь? – Ор был удивлён и заинтригован.

– Мы летим в Чехию. Там обрывается последняя ниточка, прослеживающая путь Тёрнера в запасниках Архиепископского дворца, – просто сказала Кошка. – Вылетаем послезавтра. Билеты, страховка и пакеты мобильной связи я уже заказала.

В Оломоуце, прелестном старинном чешском городке, находился Архиепископский дворец, где в запасниках музея терялся последний видимый след их картины. Весь последний месяц Кошка исследовала всё, что было связано с пейзажем. Все следы в Интернете вели туда.

Музей во дворце открывали в девять часов утра. А до этого они бродили по мощёным площадям университетского средневекового городка, наслаждаясь тишиной и покоем, Где-то заиграло фортепиано. Звуки были так близко и казались гулкими и необычайно громкими. Прямо на площади, под аркой, стояло старинное фортепиано (пианино), на котором играл мальчик лет десяти: бойко и уверенно, сидя на круглом стульчике. Ноги едва касались каменной брусчатки площади.

– Хороший знак! – подумалось Кошке.

В музее Ор, полагаясь на свою интуицию, сразу пошёл в нужном направлении. Они быстро прошли по художественной галерее и вышли к исторической экспозиции. Ненадолго их внимание захватила золотая карета архиепископа с розовой бархатной подушечкой в ногах. В другое время Кошка фотографировала бы её со всех ракурсов: прелестная вещь! Но сейчас ноги сами несли их дальше и дальше.

Слева за каретой они увидели приоткрытую дверь. Промыгнули туда якобы по ошибке. Здесь находились картины из запасников музея. Раз в несколько лет они бывали востребованы либо на смену экспозиции, либо на выездные тематические выставки. Каждая из картин была бережно упакована в специальную тару – ящик, на котором значилась основная информация: автор, название, год...

Ноги несли сами в дальний угол хранилища: один из ящичков был немного выдвинут и приоткрыт. Внутри он был пуст. На табличке значилось (было выведено): «Тёрнер. Пейзаж. Год...»

– Воздуха! – чуть не вскрикнула Кошка, почти теряя сознание от волнения.

Они быстро покинули музей и выбрались наружу, на весенние улицы Оломоуца. До гостиницы шли молча, переживая увиденное. И только в отеле выдохнули в один голос:

– Это он, пустой ящик нашего Тёрнера!

ГЛАВА 12. ОХОТА НАЧИНАЕТСЯ

Визит оценщика к ним имел необратимые последствия. Не раз во время последнего вояжа в Европу Кошка и Ор тревожно оглядывались по сторонам. Было такое чувство, что они находятся в центре какого-то большого увеличительно-го стекла, как букашки, за которыми наблюдают. Иногда в толпе они вдруг находили уже виденные ими где-то лица или просто спиной ощущали пристальное внимание к своим персонам.

– Это становится навязчивым, – резюмировала Кошка однажды. – Я вижу какую-то машину, которая сопровождает меня по шоссе на стройку, и успеваю разглядеть водителя. Потом брожу по участку, обсуждаю с подрядчиками детали и вижу вновь того же человека! Совпадения исключены: местность немногочисленна. Дежавю какое-то!

Ору тоже было чем поделиться с женой по этому поводу.

– И я чувствую себя под колпаком. Работаю. Ночь. На улице темень. Ветер. Дождь вот-вот хлынет. Смотрю: на углу маячит фигура. Вглядываюсь – а это тот тип, что приходил к нам страховку оформлять! Влипли мы в историю, – обращается Ор к Тёрнеру. – Всё из-за тебя. Ты же у нас звезда восходящая: пропавшая картина из запасника музея архиепископа!

– Что им от нас нужно? Тёрнер – парень самостоятельный, он сам нас выбрал, судя по всему. И вот ещё что: за нами следит какая-то группа, одному человеку такую слежку не организовать! Хорошо, что мы сообразили сигнализацию поставить! – Это теперь составляло всю суть разговоров супругов.

Ах, куда подевались их тихие и спокойные вечера вдвоём у телевизора?!

Кстати, и телевизор тоже работал теперь на Тёрнера: бесполезно было искать хороший фильм или просто развлека-

тельную передачу. Все программы были теперь напрямую подчинены строительству галереи: как организовать свет, какие ткани лучше всего подойдут для стилизации пространства, новости дизайна и прочее. Средства, полученные от гранта, уходили полностью на реконструкцию строительства, пострадавшего от бури. На этот раз Тёрнер решил не экономить и уже не посылал их в Китай за дешёвыми стройматериалами. Приобреталось всё самое лучшее.

Рут была в курсе. Скрыть от неё внезапную поездку в Чехию не удалось, ведь, когда они сразу после бури ринулись в Европу, вместо того чтобы обсуждать со своим архитектором планы действий и смету на восстановление строительства, это показалось странным.

Кошка позвонила Рут перед самым отлётом.

– Привет, дорогая! Понимаешь, мы будем отсутствовать дней пять. Прикинь, что к чему. Оценить размер ущерба ты сможешь сама. У нас сейчас немного другая задача. Тёрнер посылает нас в Европу для доказательства своей подлинности. – Она улыбнулась. – Да, конечно, ты права: мы не должны позволить, чтобы ситуация вышла из-под контроля. Безусловно, он не может указывать нам, что делать и как нам жить! Всё так, правильно. Да, со средствами не скромничай: мы получили какой-то анонимный грант на продолжение строительства. Наш капризный живописец хочет иметь достойный дом! Да, как и договаривались: тона экспозиции – песок и трава. И ещё я передам тебе код сигнализации. Записывай. Если получишь тревожный сигнал, проверь, не пытались ли взломать квартиру. Нет, в полицию не сообщай. У нас такое чувство, что мы в засаде. Лучше попробуй пообщаться напрямую с Тёрнером: войди к нему, садись напротив и смотри. Он напишет что-нибудь или скрутит фигу. – Засмеялась Кошка.

Сразу же по приезде Рут позвонила:

– С сигнализацией всё было в порядке. Но вот со всем

остальным... Ребята, поймите, я профи и уважаю свои дизайнерские решения. Закупила стройматериалы на самых дорогих и качественных складах. Всё, как договаривались. Заглянула в складское помещение – а там половина закупленного поменялась! Как вы с ним уживаетесь, с этим диктатором? Конечно, это – его работа! Ключи только у меня. Подрядчику я не доверяю: от любопытства его просто распирает! Говорит, что просто обязан с вами встретиться и поговорить!

Подрядчик, местный парень с несмываемым местным загаром, прикатил под вечер. Спич он заготовил заранее: стройка непростая, потребовала от него двойных усилий, клиент капризный, то и дело меняет свои решения. Короче, платите, хозяева, двойной тариф! Ор и Кошка не стали сопротивляться.

Их смущали бегающие глазки строителя и его любопытство. Несколько раз он быстро прошёлся по комнатам, якобы чтобы осмотреть антиквариат Ора. Как хорошо, что Тёрнер сам себе назначил свою временную резиденцию в спальне! В спальню шустрый парнишка тоже хотел сунуться, но Ор предусмотрительно встал в дверях. А от двери пейзаж был практически не виден.

– Вас пасут! Это ясно, – безапелляционно заявила Рут, когда они потом, после ухода подрядчика, сидели в салоне и пили «соломенное» вино, приобретённое по случаю в винном погребе в Оломоуце.

Тут Ор в лицах стал показывать примеры пристального внимания к их персонам в последнее время. Да, это было смешно и не очень смешно (грустно) одновременно. Вспомнил об оценщике, прятавшемся за углом той дождливой ночью.

– Ой, как же я сразу не догадался?! – стукнул Ор себя по лбу. – Он же прятался за углом того дома, где жили старуха и ворон, там, где я нашёл картину. Значит, оценщик – человек

старухи, а подрядчик, соседи и другие любопытные – посланцы кого-то другого...

Все трое понимали, кого, но вслух не произносили. Несомненно, что Тёрнер попал в око городской мафии.

Втроём они спустились на лифте на свою подземную стоянку, чтобы проводить Рут к её автомобилю. Когда двери лифта открылись, они успели заметить тени двух людей, которые копошились у машины Рут. Подбежав к авто, ничего подозрительного они не обнаружили, но было страшно. Ор подлез под машину для страховки: не установили ли там что-нибудь подозрительное (опасное). Заодно проверил и их с Кошкой автомобиль.

Ничего не обнаружив (найдя), улыбнулся тревожно (напряженно): «Дело начинает набирать обороты...»

Зазвонили тревожные звонки сигнализации (Тревожные звонки сигнализации раздались) одновременно у обоих супругов. Наскоро попрощавшись с Рут, они кинулись к лифту. Он не работал. Такого раньше никогда не случалось за долгие годы их жизни в этом доме. Кроме того, лифтов было два. И оба сейчас были отключены. Идти пешком на свой верхний этаж представлялось делом безнадёжным. Вдруг один из лифтов стал подавать признаки жизни и заработал. Ор быстро запрыгнул вовнутрь, Кошка – за ним.

На лестничной площадке перед их квартирой стояли их ближайшие соседи, молодая пара. Трое их детей выглядели из дверей.

– Я услышал звук сработавшей сигнализации, – рассказывал сосед, – и хотел посмотреть в глазок. Но он был заклеен скотчем. Тогда я вызывал полицию. Взломщики услышали мой разговор через дверь и смылись. Сейчас подъедет наряд.

– Спасибо тебе. – Ор пожал мужчине руку. – Хороший сосед ближе брата.

Полицейские прибыли почти сразу, блокировали выход из подъезда, но, увы... Слышно было только звук отъезжав-

шей за углом машины. Несколько парней (Парни) в форме покрутились перед дверью, сфотографировали следы попытки взлома: несколько царапин на замке.

– Есть ли в доме что-либо особенно ценное? – спросил офицер, быстро пройдя по комнатам.

Ор отрицательно покачал головой и преградил дверь (проход) в спальню с помощью точно такого же трюка, какой проделал с подрядчиком.

На какое-то мгновение ему показалось, что глаза полицейского недобро сверкнули. Миг, но Ору этого хватило. «Мафия! – пронеслось в мозгу. – Охота начинается».

ГЛАВА 13. ОСАДА

И вот уже более двух недель они находились на осадном положении. То есть Ор, как всегда, ночью уезжает на работу, оставляя её одну с Тёрнером, и возвращается через несколько часов. Кошка же выйти из дома никак не может. Раздаются какие-то звонки в дверь, трезвонят телефоны, весь мир маркитантов и мелких посредников бизнеса в одночасье обрушился на них как потоп. По сути, вся эта армия деловаров жаждет лишь одного: известить нанявших её, что Тёрнер пребывает в квартире один, что можно повторить попытку взлома, что эти двое сломались.

– Глупые, глупые мафиози! – Кошка сидит напротив Тёрнера и рассуждает вслух. – Ну чего они достигнут, даже украв тебя? Ведь ты же – наша реальность, которую мы создали сами. Написали секрет и создали (произвели на свет). И финансы, и проекты, и гранты – всё оттуда! Положим, они унесут тебя отсюда. Будешь ли ты их финансировать?

Экран замигал. Над замком отчётливо проступили контуры любимой Тёрнером фиги. Кошка довольно рассмеялась. Она даже полюбила в последнее время такие свои беседы с картиной. Привыкла к тому, что картина стала частью их жизни, реальности.

Ору было труднее общаться с «этим куском холста», как он говорил. В его голове, устроенной более реалистично, чем у Кошки, не укладывалось их нынешнее существование. Ничего приятного в том, что супруги жили на осадном положении, Ор не находил.

Вчера он по примеру Кошки уселся напротив «этого куска холста» и спросил в лоб:

– Удирать из города? Хватать тебя в охалку и уносить ноги?

Пейзаж потемнел настолько, что стали неразличимыми крепость, ров, лес и обрыв...

Кошка услышала звук поворачивавшегося в замке ключа и подбежала к входной двери:

– Ну слава богу! Пришёл наконец-то! Как дела, что нового?

– Всё как всегда. – Ор был явно чем-то озадачен. – А новости есть. Большой босс хочет, чтобы мы пришли к нему на приём. Мне перезвонили сегодня из его офиса.

Раздался звонок интеркома. У входа в здание топтался посыльный. Заказное письмо из муниципалитета.

– Откройте, пожалуйста!

Ор нажал кнопку интеркома (внутренней связи). Посыльный (Курьер) прошмыгнул в здание и уже через несколько секунд поднимался в лифте на их верхний этаж. Не открыть дверь представителю городских властей было бы глупо и недалёковидно.

Письмо было на официальном бланке.

«Уважаемые господин и госпожа П.!

Будем рады приветствовать вас в головном офисе мэрии сегодня, в 12.00. Располагая информацией о вашей деятельности в области частного строительства культурных объектов, будем рады принять посильное участие».

Внизу чернилами другого цвета виднелась приписка от руки:

«Прихватите пейзаж! Это подлинник, имеются доказательства. Картина в розыске».

Звук сорвавшегося со стены пейзажа (предмета искусства) вывел супругов из оцепенения. Картина (Полотно) лежала (лежало) на полу холстом вниз.

Хорошо ещё, что Кошка настояла на том, чтобы не ставить стекло, когда они отдали её на реставрацию в те первые счастливые дни. Иначе стекло (оно) сейчас разлетелось бы на мелкие осколки. Реставратор тогда долго крутил пейзаж (произведение) в руках. Конечно, он сразу понял, что картина подлинная и касаться красок, то есть действительно реставрировать её, он не имеет никакого морального права.

Да она была почти в идеальном состоянии, если бы не мелкий дождик, который успел упасть на живопись несколькими каплями в ту ночь, когда Ор обнаружил её у мусорного бака старухи. Ворон тогда ещё прокаркал три раза.

– Ишь ты, – подумал Ор, – какие послания судьбы и волхвов! – и улыбнулся своей интересной находке.

А теперь на обратной стороне, заклеенной специальной, чуть промасленной бумагой, каким-то прозрачным, чуть флуоресцирующим фломастером было написано: «Бежать!»

Сборы не заняли и получаса. У них всегда имелись наготове два небольших чемоданчика на случай спонтанного отъезда.

Как они любили раньше такие незапланированные, внезапные, чудесные путешествия! Ор возвращался в такие дни какой-то загадочный, хитро поглядывал на Кошку, а потом вдруг начинал кружить её по комнатам, подхватив на руки.

– Собирайся! Улетаем на три дня! Я договорился на работе, меня подменят!

Кошка бросалась к компьютеру и спешно заказывала билеты, страховку и пакеты мобильной связи. Больше всего времени всегда уходило именно на эти мобильные пакеты.

Пока шли длинные звонки сотового оператора, Ор успевал чертыхнуться, и не раз.

– Алло! – раздавалось на том конце. – Когда летим? Куда?

Больше всего они любили летать (в основном) в Европу. А из всех европейских стран больше всего им (наиболее) приглянулась Болгария. Кошка полюбила эту страну (её) всей душой! Когда они из аэропорта уже катили по прекрасным дорогам на взятой напрокат машине, ей хотелось петь и кричать от восторга!

Они обожали кружить по историческим местам, у не раскопанных ещё скифских курганов, доисторических (древних) захоронений и гробниц. Обожали (Пристрасти-

лись к) местные(м) таверны(ам) на берегах горных речушек и тихие(м), спокойные(м) отели(ям).

История Болгарии, особенно её легенды, занимала Кошку. В один из таких периодов острой влюблённости в Болгарию (в эту страну) супруги приобрели себе дом в сердце заповедника с дикими совами и ястребами. Лучшего места для побега именно сейчас не представлялось!

Вещи были уже практически собраны, когда Кошка подошла к картине. Оставалось только аккуратно упаковать её и положить в чемодан. Как они пронесут это явно раритетное произведение искусства через таможду, времени подумать не было. Кошка перевернула картину лицом вверх и вскрикнула от неожиданности!

На крик прибежал Ор:

– Что случилось?

На картине теперь была изображена болгарская деревня, удивительно похожая на ту, где находился их дом. Написан этот этюд был в стиле явно выраженного примитивизма, яркими и чистыми «народными» цветами акриловой краской. Написан был (Причём) так, как при большом желании мог бы написать его (изобразить) каждый из супругов: ученически, наивно, искренне, по-детски. Кошке даже захотелось, несмотря на дефицит времени, сделать качественную фотографию этой сельской идиллии на случай, если она захочет когда-нибудь описать их приключения и издать книгу о Болгарии.

Ничто не напоминало Тёрнера: даже рамка вдруг оказалась «новоделом» в соответствии с рамками для (обрамлением) картин в таком стиле. И только на обратной стороне картины (её) светилась фосфоресцирующая надпись «Бежать!»

Около восьми утра супруги незаметно выскользнули из квартиры. В это время Ор обычно отдыхал после работы, приняв душ и отключив телефоны. В полдень им была назначена встреча у мэра города или у главы мафии, кто знает... Так что сейчас их не «пасли». Никого не встретив в лифте

и на подземной парковке дома, они погрузили небольшие чемоданы в машину.

В одном из них покоился их преображённый Тёрнер, завернутый в старую простыню. Хорошо, что размеры картины как раз позволяли взять его в ручную кладь. А присутствие такой самодельной мазни можно было легко объяснить на интервью с сотрудниками безопасности полёта: мол, рисовали по памяти свой сельский дом, а сейчас везём этюд туда же, чтобы повесить на стену.

Всё произошло так, как и было задумано: в одиннадцать ноль-ноль утра самолёт взлетел над их городом и взял курс на Болгарию.

ГЛАВА 14. ПЕЩЕРА

Смешно в наше время в самом деле выискивать какие-то пещеры. Да ещё где – в Болгарии, на самой границе с Турцией, в самом забытом богом селении цыган-контрабандистов!

Ох и натерпелись они страху, когда искали путь сюда по навигатору! Навигатор (Он) указывал, куда свернуть, сколько метров проехать по практически непроходимым улочкам бедной деревни, где в грязи, лужах глубокой колеи посреди проезжей части барахтались голопузые ребятишки.

Их мощный «джип» был как раз тем самым средством передвижения, которое могло провезти Ора с женой через эту непролазную грязь, мимо неприветливого вида охранников опиумных полей сразу за деревней, сквозь узкую, в полтора метра, лесную дорогу, ведущую чёрт знает куда прямо над обрывом головокружительной высоты!

– Как хорошо, что ты настояла на этой модели, когда мы брали машину в аэропорту! – Ор вцепился в руль и довольно рассмеялся, заметив, что дорога начинает расширяться.

Спина его была мокрой от страха и напряжения.

Вот уже несколько дней они жили в своём деревенском домике в Болгарии. Вставали по утрам с первыми лучами солнца, выходили на высокое, отделанное литыми решётками ручной работы крыльцо, пили чистую, пахнущую свежестью воду из колодца во дворе. Жизнь в деревне была сказочной!

Приняв душ, легко позавтракав свежим салатом с брынзой и выпив по чашке кофе со свежим молоком (всё это они покупали у своих приветливых соседей-болгар), супруги отправлялись гулять по окрестностям их чудесной деревни.

Можно было пойти на речку, местами стремительную, с водопадом и мосточком над ним, местами тихую, с лебедем и кувшинками. Можно было пройти (Или погулять) по лесу, встречая следы лесного зверья: место ведь заповедное!

А можно было (Либо) отправиться в сторону каменоломен с их загадочным высоким белым обрывом прямо в разноцветье цветущих лугов.

Живи да радуйся! Но ни Ор, ни Кошка ни на секунду не забывали о том, что привело их сюда. Каждое утро, проснувшись, они пристально вглядывались в картину, висевшую над их столом на кухне. Она изображала деревенский вид. Ничего особенного. Обычная позитивная живопись в духе сельского примитивизма. Но они-то знали...

А сегодняшнее утро отличалось от всех предыдущих.

– Ой, – вдруг вскинулась Кошка и даже поставила чашку с кофе на стол за завтраком. – Смотри, опять началось!

Вместо сельской улицы на картине опять красовался туманный пейзаж с замком.

Наскоро собравшись, супруги выехали в направлении, о котором каким-то образом оба знали даже без разговоров с Тёрнером.

Ехать пришлось долго, часа четыре: сначала по прекрасному скоростному шоссе, затем был путь похуже, с выемками и щербинками, а потом их «джипу» вообще пришлось увязать в глубокой колее размытой дождями грунтовой деревенской дороги.

И вот они едут по глухой лесной тропинке-дороге, которая вдруг начинает расширяться. Она расширялась (Но) только с одной стороны – со стороны (в направлении) леса. С другой же – дорога вела вдоль колючей проволоки, обозначающей турецкую границу. На проволоке (, на которой) можно было рассмотреть какие-то лоскутки, которыми контрабандисты отмечают возможные пути перехода границы.

– Долго ещё? – Кошка не скрывает своего страха и раздражения. – Чего ради ты притащил нас сюда?

Тёрнер лежит себе тихонько на заднем сиденье «джипа» и никак не реагирует на её слова. «Проклятый мужской шовинизм!» – думает Кошка. Она ещё с утра заметила, что

Тёрнер сегодня разговаривает только с Ором. Внушает ему путь, куда свернуть, с какой стороны протиснуться между проволокой и лесом, где не останавливаться, чтобы не увязнуть в грязи.

– В общем, Тёрнер сегодня – навигатор! – засмеялась Кошка.

Внезапно дорога вышла из леса, и перед ними открылась широкая чистая поляна с лесной церковью, небольшим хозяйственным строением и какой-то речушкой в каменных берегах.

– И – никого! – Ор оглядывает поляну.

Действительно странно. Порядок здесь идеальный, разве что можно было бы убрать листья, нападвшие в воду и затрудняющие течение речки в рукотворных каменных берегах.

Тёрнер на заднем сиденье заволновался, замигал. На мигающем (мерцающем) экране картины появилось слово «Здесь». После того как Ор обошёл всю поляну, была обнаружена пещера огромной глубины, из которой и выбегал ручей, который потом и превращался в речку.

Нужно было следовать указаниям Тёрнера, который уже не просто мигал, с неохотой выплёвывая слово-другое, но и неистовствовал в своих командах.

«Возьмите верёвку в багажнике».

«Ор, привяжи верёвку к дереву у пещеры».

«Крепче, крепче вяжи!»

«Спускайся в пещеру».

«Кошка, передавай инструкции мужу».

«Спускайся метра на три».

«Видишь пластиковый пакет?»

«Осторожно возьми его. Он тяжёлый».

«Кошка, опусти мужу ведро, что находится рядом с домиком».

«Да-да, спусти на верёвке».

«Вытащи то, что положил туда Ор».
«Да поосторожнее тяни, не вырони!»
«Теперь выбирайся наружу, Ор!»
«Ух!»

Экран погас. Ор благополучно выбрался наружу.

Кошку всю трясло от пережитого волнения: муж висел на верёвке на огромной высоте над пропастью, на дне которой виднелась чёрная глубокая вода...

Но раздумывать было некогда. Нужно выбираться из этой чёртовой дыры, да поскорее! Супруги запрыгнули в машину и отправились в обратный путь.

И лишь по дороге Кошка решила открыть пакет. То, что она там увидела, ввело её в оцепенение: несколько килограммов золотых слитков и целая горсть бриллиантов виднелись внутри!

«Ну слава богу! – вдруг подумалось ей. – Прожиточный минимум на несколько лет в Европе обеспечен! Спасибо, Тёрнер!»

В деревню супруги вернулись уже затемно. Разговаривать не хотелось и от пережитого волнения, и от усталости. Хотелось просто завалиться спать, даже не раздеваясь. Что они и сделали. Пакет с залогом их будущего финансового благополучия валялся на полу, рядом с превратившимся в деревенский пейзаж Тёрнером.

«Завтра же, – подумал Ор, – спрячу драгоценности в наш винный погребок, за большую дубовую бочку».

ГЛАВА 15. ПОТЕРЯ БДИТЕЛЬНОСТИ

Жизнь в Болгарии была удивительной: напоённая запахами лаванды и розы, ароматом необыкновенно вкусных овощей и фруктов.

Днём Ор и Кошка наслаждались солнцем, пейзажами, радующими глаз и душу, путешествиями по всяким интересным местам – а их в Болгарии великое множество!

А ночью на их деревню опускалась ночь с огромной лунной на тёмно-синем небе, со звёздами-плошками, с уханьем сов из близлежащего леса. Мечта, а не жизнь!

Рядом с их домом находился деревенский заводик по производству ракии из местных сортов винограда. И они, прогуливаясь утром к реке, навевались туда прямо к первой пробе. Они любили хорошее красное сухое вино и никогда себе не отказывали в бутылочке за субботним ужином. Но эта ракия, ещё тёплая, пахучая, вкусная, легко касалась нёба, слегка обжигая, радуя и давая заряд бодрости и веселья на целый день. Жизнь здесь была настолько прекрасной и наполненной вкусом, цветом, запахами, что ни о чём серьёзном думать не хотелось.

Кошка ещё иногда заводила разговоры о миссии, которую они должны выполнить: построить галерею для Тёрнера, осуществить по пунктам всё, что записано в их секрете. Но Ор, ответственный и обязательный, был совсем не похож на себя.

Здесь, в благословенной Болгарии, его как будто просто подменили! Думать ни о чём не хотелось, тем более заниматься делами.

– Смотри, как он любит фиги! – восторженно кричал Ор по утрам, когда кормил с руки соседского осла-красавца, серого, в белых яблоках. – Я хочу собаку, козу и кур! – решительно заявлял он.

И Кошке стоило большого труда убеждать мужа, что ещё не время:

– Погоди, дай выполнить то, для чего мы здесь.

– А для чего? Тёрнер снова надел на себя личину сельской улицы, никаких галерей и всемирной славы ему не нужно, – смеялся Ор.

Они посматривали с опаской на Тёрнера: как он отреагирует. Но Тёрнер, их «говорящая» картина, спокойно висел на стене, притворяясь сельской примитивной картинкой. Поистине Болгария способна излечить любые амбиции!

– Эй, хозяйева! Доброго вам утра! – В проёме входной двери стоял их друг Иван.

Он был сыном «хозяина» деревни, писателя и целителя Кръстю.

– Помните, что завтра День единого бога в селе? Отец ждёт вас на праздник обязательно! Будут сотни людей. Даже из других стран прилетят, – говорил их замечательный друг (приятель).

– А сегодня вечером начинаем, – он хитро улыбнулся. – Надо опробовать новую ракийку. Приходите!

Стол в огромном саду Кръстю стоял прямо в винограднике. Над головой качались кисти сладчайшего винограда разных сортов. Можно протянуть руку, сорвать восхитительные ягоды и, придавив языком, ощутить их божественную сладость.

Хотя хозяин не очень любил, когда нарушали его природную икебану. Иди вглубь виноградника и рви там сколько хочешь. А здесь, за столом, место святое: общайся со всеми, пей, ешь, открывай своё сердце.

Рядом с супругами сидели какие-то уважаемые бизнесмены из Турции, пара (двое) родственников, пара, приехавшая издалека, и парнишка, высокий, с опрятной бородкой восточного типа. Сначала все были скованы, смущённо переглядывались, не зная, о чём завести разговор.

Но после нескольких робких тостов с ракийей, с обязательным чоканьем гранёных стаканов, все оживились, и разговор пошёл веселее.

– Знаете, кто это? – Хозяин стоял возле их стола, положив руку на плечо молодому парню. – Лётчик самого эмира!

И он гордо поднял стакан с очередной ракийкой:

– За лёгкий полёт молодых крыльев!

– Эмир очень интересуется нашей деревней, не знаю, почему, – шептал Кръстю на ухо Кошке. – Спонсировал большие суммы на обустройство деревенского парка.

Лётчик рядом с ними засмутился. А потом поднял глаза на Ора и Кошку и произнёс загадочно:

– У нас тут вообще как в сказке: сады, эмиры, сокровища!

Кошке показалось, что она сейчас потеряет сознание. Ей подумалось, что слова были адресованы именно им, обоим. Что сокровища, которые достались им от их пещеры у скального ручья, притягивают к ним какой-то нездоровый интерес каких-то эмиров и их лётчиков.

Она подумала о том, что спокойствие их жизни, с деревенской картинкой на стене их кухни, было обманчивым и напускным. И Тёрнер, их фетиш, не терял своих амбиций ни на минуту! А их Болгария, чудная, сказочная Болгария (страна), явилась лишь короткой передышкой на пути Тёрнера к славе мировых галерей.

Возвращались домой уже под утро. Ноги чуть заплетались. Шли босиком, купая ноги (ступни) в тёплой пыли, и смеялись.

– А что этот парень плёл тебе про сокровища? – вдруг резко остановился Ор.

– Да не обращай внимания! – Кошка отмахнулась от вопроса, хотя сама думала об этом весь вечер.

Во дворе их дома внешне всё было как всегда (обычно). Станным показалось только то, что у входа в запертый на амбарный замок винный подвал валялись инструменты: молоток и долото.

Ор бросился к дубовой двери подвала. Кошка ойкнула и села на землю. Замок заедало. Но, когда они всё-таки попали вовнутрь, их глазам предстала удручающая картина.

Стена, заботливо заделанная Ором, была раскурочена, дубовая бочка, за которой хранился их золотой запас, выдвинута на середину, а за бочкой зияла дыра. Ни золота, ни бриллиантов в ней не было.

Не сговариваясь, супруги метнулись на кухню. На стене висел как ни в чём не бывало весёленький пейзаж.

Картина на какие-то мгновения вдруг стала меняться на глазах и превратилась в настоящего Тёрнера.

Кошка даже улыбнулась: «Как будто он снял кухонный передник!» – подумалось ей весело.

На полотне проступила отчётливая надпись: «Бежать!»

ГЛАВА 16. РОМАН С СИЦИЛИЕЙ

Спустя несколько часов самолёт с нашими искателями приключений «на свою голову» уже приземлялся в Катании, маленьком уютном аэропорту.

Не так давно в их прежней беззаботной жизни Сицилия уже была. Она отождествлялась в голове с прежним увлечением зарубежной недвижимостью.

– Смотри, что я нашла! – закричала однажды Кошка, просматривая новости. – Можно приобрести в сицилийской вымирающей деревне дом за один доллар!

Ор ей тогда не поверил:

– Как это – за один доллар? Такого я ещё не слышал.

– Всё просто. Деревне много сотен лет. Работы там нет, кроме гостиничного бизнеса. Молодёжь уезжает в более перспективные города и страны. Дома ветшают и разваливаются. И вот местная инициативная группа во главе с мэром приняла решение продавать дома, находящиеся в самом плачевном состоянии, за один доллар. Но с условием, что через три года дом будет выглядеть как картинка! Делай с ним что хочешь, по своему усмотрению: живи в нём сам, сдавай в аренду, сделай из него V&V.

– Здорово! – восхитился тогда Ор. – Давай проверим, как это работает.

Списавшись с местной администрацией и выбрав навскидку некоторые объекты из предложенных им тогда, они вскочили в самолёт на Катанию, взяли по прилёте машину в аренду.

И вот супруги уже катили по серпантину и орали от восторга перед сицилийскими пейзажами!

Машина была с открытым верхом, и ничто не мешало лицезреть зелёные холмы и горы, бирюзовое море и сказочные деревни, рассыпанные по отрогам. Вдалеке дымилась Этна, величавая, огромная, дремлющая тихо и мирно,

чуть посапывающая столбиком серого пепла над собой. Так начинался тогда кратковременный роман с Сицилией.

В деревне их ждало разочарование: уж сильно запущенной казалась улица с полуразрушенными домами. Всё вокруг как будто вымерло. Сонная деревня под палящими лучами полуденного солнца плавилась от жары. А перед глазами вставали неприглядные, осыпающиеся стены и покосившиеся от времени дверные проёмы, наряду с наполовину оторванными деревянными ставнями, висящими на честном слове.

Задав для приличия несколько вопросов сопровождавшему их мэру с помощницей, переводившей с итальянского на английский и наоборот, Ор с Кошкой покрутились между объектами, зашли в несколько домов. Пытаясь не споткнуться о груды мусора на полу и не получить шишку на лбу в низком проёме, под предлогом, что им ещё нужно успеть снять гостиницу до темноты, они спешно ретировались.

– Поверь, даже одного доллара это не стоит! – говорил Ор. – Сколько же нужно вложить: подготовка проекта (хорошо ещё, что мы не потащили сюда Рут!), стройматериалы и реновация, почти с нуля!

– Да, – неохотно соглашалась Кошка.

Ей-то как раз понравился проект. Необычно, прикольно, за один доллар! Особенно один домишко на трёх уровнях, с видом на Этну.

В голове сразу нарисовался план. На первом этаже – небольшие хозяйские апартаменты, второй этаж – на съём, с Bed & Breakfast, а третий, самый просторный, с выходом на естественную горную террасу – под концертный зальчик или музей найденных Ором на мусорных свалках раритетов. Тёрнера тогда у них ещё не было. Стоить это могло немало, но Кошка знала: под хорошую идею деньги всегда найдутся!

На следующий день при встрече с администрацией выяснилось, что на этот объект уже кто-то положил глаз и ведёт переговоры о покупке за пресловутый доллар.

– Ну, значит, не судьба, – облегчённо вздохнули тогда супруги и, ещё один день насладившись сицилийским деревенским отдыхом, улетели к себе домой, отказавшись смотреть другие объекты.

И вот теперь, три года спустя, они вновь катили по той же дороге-серпантину. На заднем сиденье покоился Тёрнер, уже под своей личиной. Простодушный пейзажик болгарской деревни был благополучно сдёрнут после прохождения таможенного досмотра, как прожитый день.

Рядом с Тёрнером дремала на заднем сиденье Рут, которую супруги уговорили лететь с ними, чтобы оценить возможность строительства галереи, как хотел их Тёрнер.

Денег на строительство галереи (этот проект) было предостаточно! Продав дом и забрав с собой только несколько наиболее ценных вещей, они обеспечили себя до конца своих дней. И теперь были на пороге новой жизни в сицилийской деревушке, в доме, который, даст бог, они быстро приведут в порядок, рядом с галереей, которую выстроят на горной террасе с видом на Этну, для их тщеславного друга и повелителя.

– Боже, как же здесь красиво! – Рут открыла глаза.

Вдали, приткнувшись к крутому горному склону, уже показалась (появилась) их деревушка. Издали всё казалось игрушечным и очень привлекательным.

Мэр очень (сильно) обрадовался их звонку. Оказалось, что почти все дома тогда были благополучно распроданы. И только дом, который (тот, что) понравился им больше других, до сих пор стоял пустой. Сорвалась ли сделка или потенциальный покупатель разорился, супруги выяснять не стали. Главное – вот он, их старинный дом, встроенный в скалу и глядящий с одной горы на другую, ту, где тихонько дымилась Этна. По прямой между их будущим домом (жилищем) и вершиной вулкана было не более сорока километров, и в хорошую погоду казалось, что можно разглядеть ручейки лавы, стекающей по склону как кровь.

Улица уже имела вполне пристойный вид. Многие дома красовались новенькими нарядными фасадами с вывесками отелей-бутиков. Инфраструктура деревни быстро восстанавливалась, туристический бизнес быстро (бойко) налаживался.

Было даже как-то странно, что для «их» дома до сих пор не нашлось хозяина. Очень уж «специфичным» был его третий этаж: огромная смотровая площадка, тыльной стороной упирающаяся в скалу, с бедненьким, почти разрушенным строением для жилья.

Экран Тёрнера мигал не унимаясь!

«Клёво!» – появилась надпись.

Рут уже не раз видела эту эквилибристику с экраном «разговорчивой» картины, но привыкнуть до сих пор не могла.

– Ребята, да вы просто красавцы со своим Тёрнером, какая же у вас интересная жизнь!

Ор и Кошка смотрели друг другу в глаза. Интересная? Да, конечно. Жизнь их полна погонь, преследований, трат, грабежей, внезапных сокровищ... Но это не их жизнь, по крайней мере, не та, о которой они мечтали, сидя рука об руку у телевизора в салоне любимого дома.

Они грустно улыбнулись один другому. Больше не хотелось никаких секретов. Ни денег, ни тщеславия, ни «говорящих» картин, ни галерей с мировой известностью. Хотелось покоя и свободы.

ГЛАВА 17. ПОД ПЕПЛОМ ЭТНЫ

Теперь любимым занятием Рентгена с женой стал утренний кофе на верхней террасе. Они облюбовали себе место под выступом скалы, куда и выкатывали столик со всем необходимым в утренние часы. Отсюда фантастическая картина «посапывающего» невысоким столбиком пепла вулкана открывалась полностью.

Ор и Кошка сидели на небольших креслах-качалках и попивали свой кофе по утрам, обсуждая планы на предстоящий день. Потом приходила Рут, которая снимала номер в небольшой гостинице рядом, и начинался день, полный разговоров с поставщиками стройматериалов, подрядчиками, дизайнером мебели, администрацией деревни по поводу бесчисленных вопросов, которые необходимо было решать.

Строительство галереи на скале в городке, который стремился сохранить свой исторический вид, – дело непростое.

Умри, но реанимируй старые деревянные ставни на окнах! Разорвись, но закажи такую же дубовую входную дверь, что была в доме ещё до прихода Ора и Кошки!

Всё это было утомительно и невообразимо сложно, до такой степени, что иногда попросту руки опускались! Но в то же время это было бесконечно интересно.

А уж Рут была просто счастлива:

– Обожаю вашего Тёрнера, ведь это он подарил мне лучший проект в моей жизни! – часто говорила она и подмигивала картине, висевшей временно на кухне в уже приведённых в божеский вид апартаментах хозяев. Кстати, внутреннее убранство комнат не зависело от комиссий по вопросам сохранности раритетов. И там можно было устанавливать любые современные системы жизнеобеспечения: кухня блистала стеклянными и металлическими поверхностями бытовой супертехники и хвалилась суперорганизованным (прекрасно организованным) дизайном.

Кстати, Тёрнер, вывешенный здесь на середине несущей стены, написанный триста лет назад, в тёмных, приглушённых тонах, смотрелся здесь странно. Он подмигивал Рут в ответ зарябившим экраном и мечтал о том времени, когда его перенесут наверх, в галерею.

После трёх месяцев титанических усилий, с помощью немалых финансов, таланта Рут и терпения обоих супругов все работы завершились. Наступил торжественный день «новоселья» Тёрнера.

Как долго они шли к этому моменту! Все последние дни перед торжественным переселением Тёрнера из кухни в галерею вход супругам в «святая святых» был воспрещён.

– «Терпение, мой друг, терпение, – цитировала улыбающаяся Рут, – и ваша щетина превратится в золото!»

Галерея была затемнена в достаточной степени, чтобы не создавать диссонанса с яркими красками Сицилии, влетающими в окна, если жалюзи были приоткрыты. Дымчато-серая органза создавала эффект присутствия Этны, которая виднелась из огромных, в пол, окон. А густо-чёрные задрапированные шторы могли при необходимости полностью закрыть доступ света в помещение. Галерея представляла собой достаточно большое помещение на выступе скалы, вытянутое вдоль и представляющее собой третий этаж ренанимированного дома. Стены были окрашены в бархатный травяной зелёный цвет, как и в проекте первой галереи, которую Тёрнер никак не мог забыть.

Теперь картина висела не на кухне и не в спальне, как случалось в Болгарии и в «весёлом» городе, а на своём законном «царском» месте.

– Смотрите, смотрите! – Кошка подошла к их фетишу. – Он кажет нам масонское око!

Действительно на экране довольно чётко проступал знак масонов, точно такой, какой они видели когда-то, ещё в прежней, спокойной жизни, на улочке в Секешфехерваре,

когда бродили там в поисках старины после посещения Замка вечной любви.

– Мне даже как-то грустно, – призналась Рут, – что всё закончилось. Это было восхитительное время! Никогда мне так легко не работалось. Всё сошлось: Тёрнер, Сицилия, Этна в одном месте.

Все рассмеялись. Звук противопожарной сирены разорвал их веселье в клочья!

Датчиками на наличие дыма были снабжены все дома в округе. Этна имела непостоянный характер. И когда вулкан «плевался» высокими столбами дыма и лавы, мгновенно срабатывали системы противопожарной защиты. Людям давалось какое-то время схватить необходимое и бежать, прыгать в машины и пытаться доехать на другую, более безопасную, сторону горы, километрах в пятидесяти отсюда. В считанные минуты всё вокруг заволочло пеплом и запахом гари, необычным, едким, густым.

– Скорее, прыгайте сюда скорее, – торопил Ор Кошку и Рут, включая зажигание в машине.

– А Тёрнер? – спохватилась Кошка. – Мы же не можем оставить здесь Тёрнера! Нужно вернуться и снять его со стены!

– Ты не сможешь его снять, – констатировала Рут с грустью. – Он снабжён системой защиты от грабителей. Процедура займёт около двадцати минут.

– О боже! – запричитала Кошка. – Что же будет?

Но машина уже выкатывала на узенький серпантин улочек каменной западни. В окна ничего практически уже не было видно. Густой чёрный пепел заволоч всё вокруг.

Хорошо, что они уже успели изучить дорогу вниз, со всеми её резкими поворотами, за эти месяцы. Так, что смогли пробираться по ней практически вслепую, на ощупь.

– Лишь бы не столкнуться с другими автомобилями и не сбить кого-нибудь! – молила Рут.

Ор ехал, вцепившись в руль, и угадывал дорогу, рискуя свалиться в обрыв. На развилке он вынужден был остановиться.

– Если поедem вниз, есть вероятность, что нас засыплет пеплом: извержение нешуточное и неизвестно, сколько оно продлится.

– Давай рискнём и двинемся по горе на другую сторону! – сказала Кошка. – От выбросов пепла там спасает скала.

– А потом? – спросил Ор и осёкся.

О том, что будет потом, никто из них думать не хотел. Машина начала осторожно пробираться по периметру горы на другую, противоположную от вулкана, сторону. В воздухе слышался шум спасательных вертолётов.

ГЛАВА 18. ОН ВОЗВРАЩАЕТСЯ

В джунглях Коста-Рики деревеньки касаются облаков. Поэтому эти джунгли, скорее (больше) напоминающие Швейцарию, так и называются: «туманные». Обычно деревенька состоит из десяти-пятнадцати бунгало, скорее похожих на роскошные виллы Южной Америки, чем на сельские бунгало (жилища). В такой деревне есть пара-тройка очень приличных ресторанов, обязательные мотель и «развлекаловка» для туристов: верёвочный мост над бездонной пропастью между двумя горами, под которым течёт бурная горная речка с водопадами.

На этот раз Ор и Кошка были уверены, что нашли свой «рай». Их «рай» (Он) состоял из сельского просторного дома на шесть комнат, одной своей частью встроенного в крутой горный склон, лошадиной фермы с несколькими знаменитыми коста-риканскими лошадками и огромного двора, часть которого отводилась загону и домику для рабочих фермы, а в другой её части, прилегающей к дому, были разбиты клумбы и грядки.

С участком супругам неимоверно повезло! Он представлял собой почти плоское плато, края которого, если не считать скалы, в которую упирался дом, резко уходили под большим углом вниз. Для особых лошадок, выведенных здесь же, в Коста-Рике, такие почти отвесные пастбища проблемой не являлись. Лошадки (Животные) целый день паслись на своих травяных и цветочных лугах, неведомым образом цепляясь за них копытами, и нагуливали бока. А осенью их продавали на бесчисленных конных ярмарках и выручали за них кругленькую сумму, на которую можно было жить безбедно до следующих торгов.

В служебном домике возле лошадиной фермы жили трое никарагуанцев, обязанностью которых было выгуливать и кормить лошадей, немного помогать по дому и ездить за покупками.

Один из них, очень похожий на ковбоя из старых американских фильмов, стоял сейчас перед ними с подносом в руке.

Супруги пили кофе на террасе, а свежие утренние булочки, которые лежали на подносе, были частью ритуала.

– Я благодарю Бога каждый день за то, что мы здесь оказались! – привычно сказал Ор, пошуршал местной газетой и сделал глоток из чашки.

Кошка расслабленно сидела в кресле-качалке – точной копии того, что было у них на террасе в Сицилии.

– Благодарю спасателей-вертолётчиков, – сказала она, и её лицо подёрнулось грустью при воспоминании об их бегстве от пепла Этны в тот ужасный день.

Тогда на Сицилии, при извержении вулкана, о котором кричали все газеты мира, была засыпана пеплом практически вся их деревня, кроме небольшого плато с противоположной стороны горы, с которого их чудом сняли спасатели.

Видимость была нулевая, и только в какой-то миг в проблиске неба они, Ор, Кошка, Рут и ещё несколько жителей, поехавших в этом направлении, заметили вертолёт, безнадежно круживший над горой на безопасной высоте, шум моторов которого был гулко слышен сквозь дымовую завесу.

– Мы здесь, мы здесь, сюда! – кричали они срывающимися голосами.

И спасатели их заметили и взяли на борт, чёрных от пепла и выпавшего на их долю страха.

Сицилийская деревня, а вместе с ней и галерея, и их Тёрнер оказались под толщей пепла.

– Мы с тобой оказались (стали) одними из немногих свидетелей последнего дня Помпеи, – иногда грустно шутил он.

Рут тогда спешно улетела к себе домой, «отмывать волосы от пепла несбывшихся надежд» – так она тогда сказала.

А Ор и Кошка взяли билеты на трансатлантический лайнер с говорящим названием Dream, чтобы научиться жить без Тёрнера.

Выбор пал на Коста-Рику, с её деревенской тишиной, «туманными» джунглями, высокими плато и коста-риканскими лошадками.

Здесь, в туристическом рае для людей и животных, никто практически не ведал, кто такой Тёрнер, что такое художественная галерея и амбиции мирового масштаба. Люди в этой стране были добры и открыты, мирно соседствуя с окружающими их деревьями, птицами и животными. Они заботились о своём куске хлеба неторопливо и без особых усилий. Природа им в этом потакала. Рай.

Работники-никарагуанцы открывали загоны, и оттуда степенно выходили их выносливые, неторопливые лошадки.

Кофе практически остыл, и Кошка выпила его одним глотком.

– Пойду писать роман, – сказала она. – Никак не могу закончить последние главы о Тёрнере. Застряла на той сцене, в Сицилии. Как описать этот сумасшедший сбой ритма? Ещё вчера – гонка, строительство, картинная галерея мирового масштаба, мафия, погони, пресса, деньги! А назавтра – серый пепел вулкана и всё покрыто этим пеплом.

– А я так просто счастлив! – Ор долго смотрел на жену. – К чёрту эту картину, к чёрту этого шизофреника-Тёрнера, к чёрту миллионы! Мы сегодня принадлежим себе и друг другу, мы спокойны и счастливы.

—Да, – улыбаясь, согласилась Кошка. – Мы счастливы и нашли свой рай.

Уже в дверях она обернулась:

– А как же объяснить, что наш секрет перестал действовать? Помнишь, как одно за другим сбывались все наши планы и мечты, которые мы тогда шутя написали на клочке бумаги? Кстати, я всегда ношу его с собой, вместе с документами, в карманчике портмоне. Он и сейчас со мной.

Но Ор слушал жену невнимательно. Его глаза буквально впились в газетную ленту новостей:

– О, только не это! – вскрикнул бывший муниципальный работник Рентген, или Ор, если желаете. – Он возвращается!

– Кто он? – не поняла Кошка.

– Тёрнер возвращается, смотри!

На первой странице местной газетёнки, там, где обычно печатают выделенным шрифтом важные новости, было написано:

«ЮНЕСКО приняло срочное решение по снаряжению экспедиции в Сицилию для спасения картин, погребённых под пеплом, в районе извержения вулкана Этны. Достоверно известно, что в этой галерее находилась картина великого пейзажиста старой английской школы Тёрнера. По оценкам экспертов, существует реальная возможность вернуть миру этот шедевр живописи».

Супруги испуганно посмотрели друг на друга. Немая сцена.

Содержание

Интермеццо	6
В Забайкалье, Укурей	11
Ненаучная фантастика	21
После Билла Гейтса	34
Анабиоз	44
В Час Быка	57
Поэма-фэнтези у горы Софрата*	57
Lento Maestoso	57
Poco Adagio	59
Andante Moderato	60
Andante	62
Presto	63
Lento Maestoso	65
О Сmede и сыновьях	66
Удрать от Тёрнера	70
Глава 1. Находка	72
Глава 2. Первые признаки	76
Глава 3. Секрет	80
Глава 4. Блошиный рынок	83
Глава 5. Деньги рекой	87
Глава 6. Невидимые миру миллиарды	91
Глава 7. Строительство галереи	94
Глава 8. В Китае	98
Глава 9. Немного о мафии	102
Глава 10. Буря	107
Глава 11. Любопытные соседи	112
Глава 12. Охота начинается	117
Глава 13. Осада	122
Глава 14. Пещера	127
Глава 15. Потеря бдительности	131
Глава 16. Роман с Сицилией	135
Глава 17. Под пеплом Этны	139
Глава 18. Он возвращается	143

**Александр Гриценко
и интернет-радио «Русская культура»
предлагает новые возможности для авторов!**

**ВНИМАНИЮ АВТОРОВ
ВСЕХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЖАНРОВ
и РАЗНОГО ПИСАТЕЛЬСКОГО ОПЫТА!**

**Александр Гриценко открывает
новую авторскую рубрику
на радио «Русская культура» –
«СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»**

- ✓ Передача состоит из трех блоков по 15 минут. В каждом блоке представляют отдельного автора, а именно зачитываются отрывки из его произведения, а после ведущий программы – литературный критик, драматург Александр Гриценко дает аудиорецензию на данный текст
- ✓ Оргвзнос только на расходы
- ✓ Программа будет транслироваться на радио «Русская культура» и попадает в его фонды, где ей и предстоит храниться. Рецензия может быть прослушана пользователями в любое время
- ✓ Создание рецензии и звукозапись – безвозмездное вложение в ваш талант Интернационального Союза писателей

*Также в рамках программы
«Новые классики» запланированы
интервью с писателями,
которые возьмет Александр Гриценко*

Татьяна Ларина – Специалист по связям с общественностью
Интернационального Союза писателей: <http://inwriter.ru>

✉ izdato@inwriter.ru

☎ +7-965-816-7702

Приглашаем авторов
**в программу «НОВЫЕ КЛАССИКИ»
на радио «Русская культура»**

**Интернациональный Союз писателей
совместно с радиостанцией «Русская культура»
организовали проект для авторов,
с прекрасной перспективой для развития творчества.
Программа «Новые классики»
посвящена открытию литературных талантов
и масштабному развитию их творческого потенциала**

С нашей помощью рождаются новые имена, новые звезды литературы, многие из которых навечно останутся в истории, став классикой. Участие в проекте могут принять литературные дебютанты, только начинающие тернистый путь в мире высокой прозы или поэзии. В равной степени участие в программе важно и для опытных авторов, которым есть чем удивить широкую культурную аудиторию радиостанции «Русская культура».

Программа «Новые классики» проходит в теплой атмосфере, беседа строится в свободном порядке, в ходе чего автор может зачитать отрывки из своих произведений, поделиться мыслями, выразить отношение к чему-либо.

Интервью-беседу ведут видные деятели литературного мира. Это говорит о том, что беседа обещает быть живой и насыщенной.

Александр Николаевич Гриценко – русский писатель, драматург, прозаик, журналист, литературный продюсер, театральный режиссёр, председатель правления Интернационального Союза писателей.

Андрей Щербак-Жуков – русский, поэт, прозаик, критик. А также другие приглашенные интервьюеры вместе с молодыми авторами поделятся с радиослушателями своим творчеством, мыслями и хорошим настроением.

Важный момент! Все записи программы «Новые классики» попадают в Фонд интернет-радио! А это значит, что они всегда будут в свободном доступе для прослушивания массовой аудиторией на просторах российской Сети.

**Татьяна Ларина – Специалист по связям с общественностью
Интернационального Союза писателей: <http://inwriter.ru>**

✉ izdato@inwriter.ru

☎ +7-965-816-7702

Литературно-художественное издание

☉ Лондонская премия представляет писателя ☉

Виктория Левина

ИНТЕРМЕЦЦО

Редактор Т. Чернова

Технический редактор Т. Хорошко

Компьютерная верстка О. Аврах

Художник обложки Л. Крылов

Корректор Т. Чернова

ISBN 978-5-00153-147-0

Подписано в печать 00.00.2019.

Формат 60x90 1/16. Гарнитура New Roman.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 9,4.

Тираж 5000 экз.

16+

Интернациональный Союз писателей

Отпечатано в типографии

Интернационального Союза писателей

107150, г. Москва, ул. Бойцовая, д. 22, офис 8

© Виктория Левина, 2019

© Интернациональный Союз писателей, 2019